

Евгений САГАЛОВСКИЙ

А ЭТО ВЫ ЧИТАЛИ?

12+

Евгений Сагаловский

А ЭТО ВЫ ЧИТАЛИ?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63917011

SelfPub; 2021

Аннотация

Книга включает тексты, в разное время опубликованные в “Независимой газете” (книжное приложение Ex libris), “Политическом журнале”, “Книжном обозрении”, а также не опубликованные по различным причинам. Предназначается тем читателям, для которых чтение не только возможность занять свободное время, а книга не только средство развлечения и отвлечения от насущных проблем, но и кое-что еще.

Содержание

Нечто вроде предисловия	5
О книгах, их авторах и не только	6
Долгое возвращение Алданова	6
Давид Самойлов: превращение в прозу	15
Еврейский корень русского вопроса	21
Как не следует разрушать мифы, или Почти объективное исследование	24
Терпение сжатой пружины	28
В поисках себя	33
Бремя избранности	37
Как выходят из ряда вон	42
Непростая наука убеждать	49
Общая теория ненависти	54
Что значит “мочить в сортире”	57
Всеобщая история террора	60
Если выпало в империи родиться	63
Компромат для диктатуры закона	66
Америка как она есть	69
Чтобы чужие боялись	72
В поле притяжения двойной звезды	75
Путеводитель по полю брани	78
Позавчерашние пирожки	83
Юмора честное зеркало	89

Корона с бубенчиками, или Карп Фердыев как зеркало российской действительности	93
Вместо заключения	98
Положитесь на П. Г. Вудхауса! Юмор как анестезирующее средство	98

Евгений Сагаловский

А ЭТО ВЫ ЧИТАЛИ?

Нечто вроде предисловия

Данная книга не была написана в обычном смысле этого слова. Ленивый автор попросту сгреб под одну обложку свои тексты, опубликованные в разное время на страницах “Книжного обозрения”, “Независимой газеты” и “Политического журнала”. Было бы не совсем точно называть их книжными рецензиями – автор, которому всегда было тесно в пределах разумного, не ограничивал себя общепринятыми для материалов такого рода правилами, а по ходу изложения высказывал собственные соображения по тому или иному поводу.

Книги, о которых идет речь, – самого различного характера: мемуары, документалистика, психология, политика и еще всякое разное, вплоть до беллетристики.

Автор тешит себя надеждой, что подобный сборник может представлять интерес для современного читателя. Уже хотя бы потому, что рассматриваемые книги, независимо от года их издания, несомненно, заслуживают внимания. А многие серьезные проблемы, затрагиваемые в них, к сожалению, и сегодня вполне актуальны.

О книгах, их авторах и не только

Долгое возвращение Алданова

Алданов М. Сочинения. В 6 книгах. – М.: Изд-во “Новости”, 1994.

Приступая к этим заметкам, я снял с полки Литературный энциклопедический словарь. Раскрыл на нужной странице – и не поверил своим глазам. В специализированном справочном издании, вышедшем уже в перестроечные времена, в 1987 г., – никакого упоминания об Алданове. Отсутствовали какие-либо сведения о писателе и в СЭС, издания 1988 г.

Свою ошибку я понял быстро: оба словаря сдавались в набор в 1984 г., за четыре года до первой публикации Алданова на родине. Разумеется, бесполезно было искать в советских изданиях имя писателя – принципиального противника социальных революций, утверждавшего, что *“призыв к революции есть либо величайшее легкомыслие, либо сознательное преступление”*. Кто же мог осмелиться в стране победившего социализма даже упоминать о человеке, позволявшем себе задолго до нашей пресловутой гласности проводить параллели между Лениным и Сталиным – с одной стороны и Гитлером – с другой!

Марк Александрович Ландау (Алданов – псевдоним, анаграмма фамилии) родился в 1886 г. в Киеве, в семье сахаропромышленника. Получил блестящее образование: классическая гимназия, Киевский университет, который он закончил сразу по двум факультетам – правовому и физико-математическому (отделение химии). В том же году – первая публикация: научная статья в области теории растворов. (Вообще, к химии Алданов время от времени возвращался в течение всей жизни, утверждая, что периодическое переключение на научно-исследовательскую работу во всех отношениях полезно для писателя.)

Вскоре после окончания университета он уезжает в Париж для продолжения образования, однако с началом Первой мировой войны возвращается в Россию. Принимает участие в разработке средств защиты от химического оружия.

Когда грянула социалистическая революция, Алданов без колебаний сделал свой выбор, сразу и навсегда определив свое место в стане ее идейных противников. Если даже симпатизировавший Ленину и в свое время реально помогавший большевикам Горький в 1917 – 1918 гг. немилосердно бичевал новую власть в статьях, составивших впоследствии сборник “Несвоевременные мысли”, то уж таким, как Бунин, Мережковский, Гиппиус, Алданов, сам бог велел!

Острому аналитическому уму Алданова были в принципе чужды какие-либо иллюзии, причем, если, допустим, Бунин в “Окаянных днях” или Гиппиус в “Петербуржском дневни-

ке” писали главным образом о конкретике происходящего кошмара, то молодой ученый, неожиданно для самого себя превратившийся в политического публициста, в своей книге “Армагеддон” препарировал и анализировал революционные идеи, делая четкие, недвусмысленные выводы. Такие умники большевикам явно не годились, даже в попутчики. Крамольная книга была, естественно, уничтожена, а ее автору пришлось в 1919 г. навсегда покинуть родину.

“Эмиграция – не бегство и, конечно, не преступление. Эмиграция – несчастье”. Эти слова из алдановского очерка о дюке де Ришелье, легендарном первом градоначальнике Одессы, – одновременно обо всех русских эмигрантах первой волны, и не только первой, и не только русских. Но если Ришелье после долгих лет службы в России все-таки вернулся на землю любимой Франции и даже стал председателем совета министров, то Алданов, как и большинство его соотечественников, не по своей воле оставивших родину, мог возвращаться к ней только мыслями.

... Париж, Берлин, снова Париж, Нью-Йорк, Ницца.

Литературная известность пришла к Марку Алданову сразу после публикации в 1921 г. исторической повести о Наполеоне “Святая Елена, маленький остров” и уже не оставляла его до конца жизни. Достаточно сказать, что популярность Алданова среди читающей публики русской эмиграции была выше, чем у Бунина и Набокова, и это при том, что писатель всегда был далек от какой-либо конъюнктурности.

Свободно владея основными европейскими языками, Алданов, несомненно, мог бы значительно расширить свою читательскую аудиторию, став, допустим, франкоязычным писателем. Однако этот вопрос он, похоже, решил для себя сразу: по духу – космополит в лучшем значении этого слова, всю жизнь писал только на русском. Подстраиваться под кого-то, вообще что-то делать вопреки собственным убеждениям – нет, это был не его стиль. Объективный свидетель своего времени, Алданов с равно убийственной иронией писал о Сталине и Ллойд-Джордже, о большевизме и западном образе жизни. Да и предреволюционную Россию, мягко выражаясь, не идеализировал. В общем, всем сестрам – по серьгам. И по ушам заодно! Интеллигентно, не снимая белых перчаток. Кому же это понравится!.. Люди, подобные Алданову, обречены быть, в большей или меньшей степени, чужими даже среди своих. Вот цитата из воспоминаний об Алданове хорошо его знавшего музыковеда и мемуариста Л. Сабанеева: *“Он был пережитком эпохи едва ли не шестидесятых годов прошлого века, и его культурный горизонт и идеалы ближе всего идеалам той России – либеральной, но умеренной, культурной и с высокими нравственными устоями, свободомыслящей в области умозрения и политики...”* И далее: *“Останется навсегда в памяти его моральный облик изумительной чистоты и благородства”*.

Энциклопедически образованный человек, Марк Алданов выбрал для себя в качестве главной точки приложения

своего литературного таланта русскую и европейскую историю XIX – XX столетий.

В русской литературе всегда было более чем достаточно исторических романистов – от Загоскина и Лажечникова до Пикуля. Среди массы откровенно бездарных, графоманских и конъюнктурных сочинений иногда попадает кое-что вполне приличное, а изредка даже – вершины, наподобие “Петра Первого” А. Толстого. Однако при всей несхожести манер письма и масштабов дарования подавляющее большинство авторов исторических романов работали с материалом по известному методу А. Дюма, который, по его собственному признанию, рассматривал историю в качестве вешалки для развешивания своих сюжетов.

Такой сугубо беллетристический подход был для Алданова категорически неприемлем. Его основной принцип – полная историческая достоверность за счет максимального использования документов и свидетельств очевидцев, предельно возможное, выражаясь математическим языком, сужение доверительного интервала. Непревзойденный мастер исторического очерка, Алданов и в своей исторической прозе остается ученым, не позволяющим себе мало-мальски существенных отклонений от реальности. Эта характерная особенность не раз отмечалась видными историками-профессионалами. При этом писателю, принципиально избегающему исторической “клюквы” и тем более “клубнички”, столь любезной сердцу массового потребителя низкопробного “ис-

торического” читая, неизменно удается поддерживать читательский интерес к описываемым событиям (конечно, речь идет о серьезном читателе). Алданов умеет виртуозно строить сюжет, искусно вплетает в повествование интереснейшие исторические документы и детали. Недаром огромное количество времени он проводил в библиотеках, неустанно отыскивая и тщательно отбирая драгоценные находки для своих книг.

Однако Алданов не был бы Алдановым, если бы ограничивался лишь описанием внешней стороны событий. Это ему просто было бы неинтересно. И если Дюма использовал историю как вешалку для своих захватывающих сюжетов, то Алданов рассматривал ее в первую очередь с точки зрения философа и моралиста. Исторический материал давал возможность его отточенному уму ученого продуцировать глубокие рассуждения о непреходящих ценностях, о вечных человеческих проблемах. Свидетель своего жестокого и страшного века, “века-волкодава”, как его с достижимой лишь поэту точностью определил О. Мандельштам, Марк Алданов мучительно размышлял и внешне бесстрастно писал о Добре и Зле, Любви и Ненависти, Народе и Власти, Жизни и Смерти. Материалов для этого в человеческой истории всегда было с избытком. Он писал о Марате и Ганди, о Ленине и российских императорах, о Байроне и Бетховене... О ком только он не писал! И как же неожиданно современно звучат сегодня, например, строки, случайно выхваченные взглядом

на странице раскрытого наугад тома: "...Воронцов-Дашков не верил в устрашающее действие казней в стране ингушей, чеченцев, кабардинцев и шапсугов". Иди – такие, опубликованные впервые в 1927 г.: "В настоящее время в России к правителям предъявляются весьма пониженные требования... Это, разумеется, не всегда так будет. Но я боюсь, что это так будет еще довольно долго".

Алданов успел сделать чрезвычайно много, и мы сегодня фактически только начинаем открывать его для себя.

Весьма любопытен разброс мнений по поводу того, что считать наиболее ценным в алдановском творчестве: одни отдают предпочтение романам, другие – очеркам и публицистике, сам же писатель на полном серьезе называл лучшим своим произведением научную монографию "Актинохимия".

Первое в России собрание сочинений Алданова в 6 томах вышло в 1991 г. литературным приложением к журналу "Огонек" и включало, главным образом, крупномасштабные произведения, рассчитанные на относительно широкую читательскую аудиторию. Новый шеститомник издательства "Новости" значительно более разнообразен по составу и уже поэтому гораздо более интересен. На этот раз из обширнейшего алдановского наследия (по приблизительным подсчетам, полное собрание сочинений писателя составило бы порядка 40 томов) отобраны, помимо двух романов и двух повестей, еще два тома исторических очерков, значительное ко-

личество рассказов, пьеса, сборник философских диалогов и статьи о литературе. Тираж нового издания – 15 тыс. экз. (для сравнения – “огоньковский” шеститомник имел тираж 760 тыс. экз.), и, видимо, это оправданно. Дело в том, что, как верно заметил Л. Сабанеев, произведения Алданова *“по природе своей – произведения для немногих”*. Разумеется, Алданов – не Пикуль. Нынешнему массовому читателю он, вероятно, и вовсе не нужен. Какое значение для него имеет то обстоятельство, что Алданова чрезвычайно высоко ценили Г. Адамович и Г. Иванов, А. Ремизов и Б. Зайцев, Р. Гуль и В. Набоков! Или – тот мелкий факт, что сверхвыскательный И. Бунин неоднократно выдвигал Алданова на Нобелевскую премию! Да наш замечательный массовый читатель и именно этих не знает, ну, разве что Набокова (благодаря “Лолите”) да про Бунина, наверное, краем уха слышал. Остается только надеяться на то, что все еще может измениться.

Рискуя быть обвиненным в неумеренном цитировании, все-таки приведу еще слова из заметок Г. Адамовича “Мои встречи с Алдановым”: *“... это был редкий человек, и даже больше, чем редкий: это был человек в своем роде единственный. За всю свою жизнь я не могу вспомнить никого, кто в памяти моей оставил бы след... нет, не то чтобы исключительно яркий, ослепительный, резкий, нет, тут нужны другие определения: след светлый и ровный, без вспышек, но и без неверного мерцания, т. е. воспоминание о человеке, которому хотелось бы в последний раз, на прощанье, крепко*

пожать руку, поблагодарить за встречу с ним, за образ, от него оставшийся”.

А что касается Нобелевской премии, которую Алданов так и не получил... Пожалуй, это лишнее подтверждение излюбленной алдановской мысли, неизменно проходящей чуть ли не через все его исторические произведения, – мысли о решающей роли случая в истории. Мало ли кому по разным причинам не суждено было написать и произнести Нобелевскую речь! Перечень таких не-лауреатов, как писателей, так и ученых, выглядел бы не менее внушительно, чем список лауреатов. И, наверное, открывался бы он именем боготворимого Алдановым Л. Толстого...

И напоследок – простые и горькие алдановские слова: *“Через тысячу лет любой школьник будет знать в тысячу раз больше меня. Мир же станет еще непонятнее, даже если не спрашивать, зачем он существует... Чем больше будем знать, тем понятнее все будет глупцам, тем непонятнее умным и тем тяжелее”.*

Давид Самойлов: превращение в прозу

Д. Самойлов. Памятные записки. – М.: “Международные отношения”, 1995.

“Один” пишем – “два” в уме... Беря в руки книгу прозы Давида Самойлова, вспоминаешь, конечно, в первую очередь, его стихи. Хрестоматийное, известное каждому, кто хоть мало-мальски знаком с русской поэзией: *“Люблю обычные слова, / Как неизведанные страны, / Они понятны лишь сперва, / Потом значенья их туманны. / Их протирают, как стекло, / И в этом – наше ремесло”*. Или: *“Перебирая наши даты, / Я обращаюсь к тем ребятам, / Что в сорок первом шли в солдаты / И в гуманисты в сорок пятом”*.

Повторять, что Самойлов – значительное явление русской литературы, – ломиться в открытую дверь. Конечно, прежде всего он – поэт, но вспомните: *“Учусь писать у русской прозы, / Влюблен в ее просторный слог, / Чтобы потом, как речь сквозь слезы, / Я сам в стихи пробиться мог”*. В этих самоейловских строках – отношение настоящего поэта к прозе как к способу точного отражения мира, обладающему в этом отношении несравненно более широкими возможностями, чем самая гениальная поэзия.

В предисловии к “Памятным запискам” составитель кни-

ги Галина Медведева, самый близкий поэту человек, объясняет его обращение к прозе. Внешний толчок – пребывание Самойлова в 1969 году в больнице, воспринимаемой им как клетка, ограничивающая пространство передвижения и общения. Настоящая же причина – ясное осознание того, что *“весь опыт не уместится в стихи”*. А клетка больничной палаты – всего лишь модель другой, огромной и страшной клетки, слишком хорошо знакомой всем нам. И – вечная необходимость нравственного выбора... Человек, далекий от непосредственного участия в политике, Самойлов недвусмысленно подтвердил свой выбор, поставив подпись под письмом в защиту Александра Гинзбурга и Юрия Галанскова. По тем временам этого было достаточно – рассыпается набор одного сборника стихов, вылетает из темплана другой...

И Давид Самойлов спасает себя единственным достойным способом. Новые стихи, переводы, “Книга о русской рифме”... А параллельно – пусть в стол, для себя, для близких людей – проза. В 1971 году появляется запись в дневнике: *“Укреплялся в мыслях о книге опыта”*. Жанр прозаических опытов Самойлова Лидия Чуковская определила просто: “Былое и думы”.

Постепенно из, казалось бы, достаточно разнородных фрагментов стали вырисовываться очертания общей конструкции, связанной единым замыслом. В принципе – ничего нового: то, что называется “о времени и о себе”. Литера-

тура такого рода – это всегда попытка, с одной стороны, увидеть Время сквозь призму собственного опыта, а с другой – понять собственное “я”, увидев себя самого, отраженного в зыбком зеркале Времени.

Книга прозы Давида Самойлова складывалась на протяжении 20 лет и хронологически охватывает период с начала 20-х до конца 80-х. По свидетельству Галины Медведевой, самойлов весьма критически относился к себе как к прозаику и многие главы неоднократно переписывал – очевидно, добивался той же точности выражения мысли, что всегда была присуща его лучшим стихам.

Основной объем книги приходится на автобиографические записи, связанные с портретами самых разных людей. В главах, посвященных детским и школьным годам, – это родственники, соседи по дому, друзья детства. При этом заметки мемуарного характера постоянно перемежаются публицистическими фрагментами (например, рассказ о собственной семье перетекает в размышления о российском еврействе, диффундировавшем в русскую нацию).

Главы о периоде ифлийской юности включают краткие запоминающиеся портретные зарисовки молодых поэтов и их учителей. Павел Коган и Михаил Кульчицкий, Борис Слуцкий и Сергей Наровчатов, Николай Глазков. А еще – Сергей Радциг, Леонид Пинский, Михаил Лифшиц, Илья Сельвинский... Крупные, яркие фигуры, легендарные личности. И опять-таки: на мемуарном фоне – неожиданные мысли, точ-

ные наблюдения. Например, вспоминая о чтении курса эстетики Михаилом Лифшицем, Самойлов замечает: *“Борьба с модернизмом, к которому примыкала вся основная западная, а во многом и русская литература 20 – 30-х годов, была первым становлением нынешней “традиционалистской” и даже “почвеннической” эстетики... Казалось тогда, что модернизм, отрицающий традиционные нормы искусства, ведет к фашизму, годится ему в эстетику. Опыт сорока с лишним лет развития идей показал, что теория реализма и традиционализма может привести к тому же. Видно, не в эстетике дело”*.

Рассказывая о войне, которую он прошел в действующей армии, Самойлов, глубокий знаток русской истории, размышляет о характерных чертах русского народа, о том, что называется национальным менталитетом: *“Это русский фатализм, неверие в прочность счастья, податливость перед насилием власти, компенсируемая жертвенным сопротивлением внешнему нашествию, безудержные выплески щедрости и гнева, умение ждать, мириться и, подспудно чувствуя неправомерность ожидания и примирения, предаваться жесточайшим мучениям совести, самоосуждению, внутреннему самоистязанию”*. Эти черты, по мнению Самойлова, порождены извечными действующими факторами русской истории, *“безжалостной мощью и своеволием власти, беззаконием, скудостью быта”*.

В книге нет публицистики в чистом виде. Даже в рабо-

те “Литература и общественное движение 50 – 60-х годов”, бесспорно, значительной именно в этом отношении, автор сохраняет свой стиль. Анализ событий, общественных явлений тесно переплетается с эскизными, а иногда и рельефными изображениями персоналий, меткими характеристиками. Резкие, четкие наброски, неожиданные ракурсы: Сталин и Хрущев, Ахматова и Пастернак, Эренбург и Леонид Мартынов, Твардовский и Симонов, Евтушенко и Вознесенский, Шукшин...

Отдельная небольшая глава “Александр Исаевич” представляет собой интереснейшие, хотя и не всегда бесспорные суждения о Солженицыне как личности и явлении литературы и общественной жизни. Оказывается, в свое время А. И. предлагал Самойлову перенести дискуссию в самиздат, но тот отказался, хорошо представляя себе исход интеллектуального поединка с учетом разницы в “весовых категориях”. По свидетельству Медведевой, Давид Самойлов и не стремился к поспешному обнародованию своих вопросов к “властителю дум” – гораздо более важным ему представлялось уяснение собственных позиций. Вот только одна цитата из самойловских заметок о Солженицыне: *“Тот народ о котором мечтает А. И., сегодня фикция, мечта, прошедший день. К нему не вернется Россия, даже если сядут все за прялки, за резных медведей, за палехскую роспись. Мужик нынешний производить без корысти не станет. В этом, извращенно, правда, выражается новое его достоинство. Он*

спекулировать и шабашиничать готов и станет делать это даже под малиновый звон, перекрестившись. Он делать это будет, пока не образуется в народ. А сделается это тогда, когда он научится уважать духовное начало России, то есть ее интеллигенцию, столь не любезную А. И.”

Последний, наиболее концентрированный по мысли раздел книги назван составителем “Эссе”. Предельная четкость суждений (не имеющая ничего общего с безапелляционностью), напряженная работа мысли, математическая точность формулировок, без какого-либо менторства или зазнайства. Вот только несколько названий этих мини- и даже микроэссе: “О презрении к народу власти и интеллигенции”, “О сытости и нравственности”, “Об аристократизме и преемственности власти”, “Об утопизме русской нации”, “О фанатизме и терпимости”, “Равенство и хамы”...

Многим ли сегодня все это нужно?.. Нет ответа... Или – все-таки есть, и мы его просто не знаем? Как не знаем до конца и Давида Самойлова – будем надеяться, что нам еще предстоит знакомство и с его “Дневниками”, и с полным корпусом его замечательных “несерьезных” произведений “В кругу себя”. Может быть, дождемся и самойловского тома в “Библиотеке поэта”.

Когда-то Давид Самойлов написал: *“Превращаюсь в прозу, как вода в лед”*. Кто учил термодинамику, помнит: при переходе воды из жидкой фазы в твердую выделяется теплота. Очень много теплоты.

Еврейский корень русского вопроса

Рабинович Я. Россия еврейская. – М.: Алгоритм, 2006.

В свое время Остап Бендер, отбиваясь от настырного иностранного журналиста, утверждал, что, хотя евреи в Советской России и наличествуют, но еврейского вопроса у нас нет. Великий комбинатор, разумеется, лукавил. Даже в России сегодняшней, где, согласно статистике, проживает в 40 раз меньше евреев, чем в начале прошлого века, еврейский вопрос все же существует. Правда, лишь как часть наиглавнейшего из проклятых русских вопросов : “Кто виноват?” (Излишне напоминать, как отвечают на него граждане, перманентно озабоченные отсутствием воды в кране, да и любой другой неприятностью личного либо государственного масштаба.) Соответственно, и книги по “русско-еврейской” тематике продолжают выходить, а капитальный труд Александра Солженицына “Двести лет вместе” вызвал широкую волну публикаций в периодике.

Книга Якова Рабиновича “Россия еврейская” – еще одна, несомненно, тщетная попытка поставить точку над “і”. Монография посвящена судьбе евреев в России и, прежде всего, той роли, которую они сыграли в истории нашей страны. По словам автора, он “не имел ни малейшего намерения умалить причастность евреев к тем потрясениям, которые пере-

живала Россия до революции, во время революции, или к тому, что страна переживает сегодня. Евреи жили в одной стране с русскими и другими народами царской, а затем советской империи, значит, своей деятельностью содействовали всему хорошему и плохому, что происходило в стране”. Как считает Яков Рабинович, едва ли не главным фактором, определяющим историю евреев как в царской, так и в советской России (разумеется, наряду с политикой, проводимой государством в отношении их), были особенности еврейского национального характера.

Автор убедительно доказывает несостоятельность многих широко распространенных антисемитских мифов – о спаивании евреями-шинкарями русского народа, о трусливом бегстве советских евреев в эвакуацию в годы Великой Отечественной войны, о мировом еврейском заговоре и т. п. Рассматриваются вопросы национальной самоидентификации и ассимиляции евреев, их исхода из постсоветской России и их положения в сегодняшнем Израиле. Показан значительный вклад евреев в развитие промышленности, науки и культуры, в укрепление обороноспособности страны. Особое место в книге занимает проблема антисемитизма – государственного и бытового.

При откровенной публицистичности книга наполнена серьезной аргументацией: цифры, факты, имена. Значительное место занимает критический анализ вышеупомянутой солженицынской работы, причем становится понятно, что

последняя далеко не всегда отражает реальную картину событий, а многие ее выводы никак нельзя считать корректными.

Остается только не вполне понятно, для кого, собственно, “Россия еврейская” написана. Строго говоря, хорошо знакомый с темой читатель почерпнет из монографии Рабиновича не так уж много нового для себя – она в значительной мере компилятивна. Ну, а наши родные антисемиты, и скрытые, и явные, для которых эта книга могла бы стать небесполезным источником информации, хотя бы для общего развития, ее, конечно, и в руки не возьмут. Одно название наверняка вызовет у них отторжение, а в сочетании с фамилией автора, вероятно, даже рвотный рефлекс. И тут уж, видимо, ничего не изменить – так эти люди понимают патриотизм.

Как не следует разрушать мифы, или Почти объективное исследование

Буровский А. М. Евреи, которых не было: курс неизвестной истории. В 2-х кн. – М.: АСТ; Красноярск: “Издательские проекты”, 2004.

Не успела затихнуть бурная дискуссия вокруг капитальнейшего солженицынского труда “Двести лет вместе”, как появился еще один двухтомник примерно на ту же тему – работа красноярского историка Андрея Буровского с интригующим названием: “Евреи, которых не было”. Исследование сибирского ученого охватывает не два века русско-еврейского сосуществования, а едва ли не всю зафиксированную историю человечества, начиная буквально с библейских времен.

О названии книги. Автор разъясняет: данная тематика породила невероятное количество мифов, в которых фигурируют как абсолютно виртуальные евреи (например, многократно увеличенные, по его мнению, данные о числе жертв погромов и Холокоста), так и люди, реально существовавшие, но в действительности являвшиеся совсем не такими, как их принято считать. Словом, то, что называется “фолькс-истори” – собрание надуманных мистификаций. Именно эти мистификации и являются основным объектом крити-

ческого рассмотрения. Среди подвергаемых “проверке на прочность” – распространенные утверждения о еврейской исключительности, об интеллектуальном превосходстве, о пацифизме и пр. и пр.

По утверждению автора, он стремился строго соблюдать три принципа: научности, популярности и объективности. Что ж, в отношении первых двух сомнения исключаются – список использованных источников содержит четыре с половиной сотни названий, при этом книга не менее увлекательна, чем хороший авантюрный роман. А вот что касается третьего принципа, то остаются серьезные вопросы. Ведь полной объективности, даже если автор добросовестно старается занять позицию “над схваткой”, не может быть в принципе – личностный фактор неизбежно вносит элемент субъективизма. Да, Буровский, вроде бы, пытается взглянуть на историю еврейского народа с разных, зачастую противоположных, точек зрения. Скажем, при рассмотрении большого вопроса об активном участии евреев в русской революции и злодеяниях советской власти автор не ограничивается, подобно многим публицистам из “патриотического” лагеря, тщательными подсчетами числа лиц с еврейскими фамилиями в большевистском правительстве и органах ВЧК, а подробно анализирует причины такой активности. Но основной акцент в исследовании, к сожалению, делается на другом, причем отдельные мысли Буровского явно перекликаются со скандально известной “Русофобией” Игоря Ша-

фаревича (теория зловредного “малого народа”, стубившего “большой”).

Главная же претензия к автору-историку заключается в том, что в своих углубленных изысканиях по разрушению мифов, связанных с так называемым еврейским вопросом, он почему-то аккуратно обходит стороной многочисленные оскорбительные измышления вокруг него – иногда просто дурацкие, а зачастую чудовищные, благополучно дожившие от седой древности до наших дней. И, в конце концов, стоит ли тратить силы, пытаясь доказать, что в еврейских погромах, прокатившихся по югу дореволюционной России, пострадало не так уж много людей, а число жертв Холокоста в действительности не шесть миллионов, а существенно меньше?! Иногда скрупулезные подсчеты оказываются за рамками приличия, а порой и просто безнравственны.

Ко всему прочему, автор время от времени огорошивает весьма нестандартными и, мягко говоря, более чем спорными суждениями. Например, утверждая, что чисто еврейские причины для поддержки идей демократии и прав человека связаны с особенностями иудаизма. Или что Эйнштейн, Фрейд и Кафка – попросту дутые авторитеты. А Иосиф Бродский – исчезающе малая величина по сравнению с Николаем Ключевым. Тут уж вообще не знаешь, плакать или смеяться.

Внимательного и чуткого к родному языку читателя данной рецензии не могло не зацепить странноватое сочетание слов в ее заголовке. Действительно, “почти объективное” –

слегка режет слух. Примерно так же, как “немножко беременная” или пресловутая “осетрина второй свежести”.

Давно замечено: разрушая старые мифы, их обломки, как правило, используют для создания новых. Вполне вероятно, что Андрей Буровский, как и положено историку, пытался быть объективным – во всяком случае, так ему казалось. На самом деле получилось не очень.

Терпение сжатой пружины

Цви Прейгерзон. Бремя имени. Рассказы. – СПб.: Лимбус Пресс, 1999.

До появления этого сборника, выпущенного питерским “Лимбус Пресс”, писателя по имени Цви Прейгерзон у нас практически никто не знал. Что вполне понятно: авторы, создававшие свои произведения на иврите, в России мало кому известны. Даже имя нобелевского лауреата Агнона вряд ли кому знакомо значительному числу людей, профессионально работающих в литературе. О прочих и говорить не приходится. Иначе и быть не могло – еще в не столь далекие времена “полностью и окончательно победившего”, а затем и “развитого” социализма иврит был у нас запрещенным (!) языком, кажется, единственным из всех существующих. Подразумевалось, что его использование самым непосредственным образом связано с сионизмом, который в нашей удивительной стране официально считался (кстати, и сегодня зачастую продолжает считаться) если и не разновидностью фашизма, то, по крайней мере, чем-то вроде проклятого империализма, да еще и с нечеловеческим, т.е. еврейским лицом. С официальной точки зрения, языком советских евреев, не утративших национальной самоидентификации, признавался идиш, даже литературный журналчик на нем выходил –

“Советише Геймланд”. Ну, а зловерднй иврит, помимо всего прочего, имел у нас репутацию языка вполне мертвого, типа древнегреческого или шумерского. Слава богу, этот бред на уровне государственной политики закончился, и сегодня в России можно говорить и читать на иврите без малейшего риска схлопотать срок.

Вышеприведенные историко-филологические рассуждения связаны с тем, что центральное место в рецензируемой книге занимает именно рассказ “Иврит”, включаемый теперь в Израиле в школьные программы. Он носит автобиографический характер – так же, как и его герои, автор был в свое время репрессирован за использование языка собственного народа. Сюжет несложен: герой, преданный человеком, которого он сам обучал ивриту, избирает своеобразный способ сопротивления: на задаваемые ему вопросы отвечать на том же иврите. Невзирая на жестокие избиения, он находит в себе силы не только следовать принятому решению, но и перейти от пассивного сопротивления к активным действиям – изувечить предавшего его мерзавца, которого следователь вынужден привлекать при допросах в качестве переводчика.

Этот хрестоматийный рассказ обычно рассматривается как убедительное доказательство связи родного языка с национальным самосознанием (что, конечно же, бесспорно). Однако не менее, если не более важным представляется другое, с языком уже не связанное. Еврейское терпение вошло в поговорку, сравниться с ним может, пожалуй, только рус-

ское. (Может быть, это как раз то общее, что более всего сближает два народа?) В порядке иллюстрации – старый анекдот:

– Ребе, сколько это еще будет продолжаться? Мы уже не в состоянии выдерживать!

– Евреи, не дай бог, чтобы это продолжалось столько, сколько вы в состоянии выдержать!

Со страниц Гоголя и Достоевского, Шекспира и Гашека неизменно встает малопривлекательный образ жалкого пейсатого Мойши или Абрама, безропотно принимающего удары судьбы и озабоченного (помимо, разумеется, личного обогащения) исключительно проблемой выживания в окружающем враждебном мире. Мало кто из писавших о еврейском долготерпении понимал, что это – терпение сжатой пружины. Действие вызывает равное по силе противодействие – закон не только физический. Репрессии против нации неизбежно обостряют чувство национального самосознания. Эта мысль присутствует не только в “Иврите”, но и в других рассказах сборника (“Мой первый круг”, “Двадцать храбрецов”, “Баба Гита”).

На удивление много вмещают в себя насыщенные реалиями еврейской жизни рассказы Цви Прейгерзона – простые и мудрые, горькие и в то же время наполненные внутренним теплом. Кому-то они могут напомнить Шолом-Алейхема, кому-то – Бабеля, кому-то даже Василия Гроссмана. Однако при этом проза Прейгерзона вполне индивидуальна, и

это чувствуется даже в переводе. Надо полагать, в оригинале ее своеобразие еще более ощутимо – современный израильский писатель Аарон Мегед назвал Прейгерзона “и рабом, и властелином иврита” и даже предложил составить словарь тех слов и выражений, которые тот ввел в употребление. Все это тем более удивительно, если знать, в каких условиях писал человек, обогативший родной язык.

Сама биография Цви Прейгерзона могла бы стать сюжетом для романа. Писатель создавал свои произведения на языке, который был в полном смысле запрещенным в его стране, тайно переправляя их в Израиль, где они печатались под псевдонимом. Считая литературное творчество своим главным делом, он в то же время большую часть своей жизни проработал в Московском горном институте, стал одним из ведущих советских специалистов по углеобогащению, по учебникам которого выучилось не одно поколение студентов.

“Бремя имени” – первый перевод рассказов Прейгерзона на русский язык, через 30 лет после смерти автора. Эта небольшая книга могла бы многое объяснить. Прежде всего, тем, кто исповедует теорию, целиком укладывающуюся в нехитрый слоган: “Россия – для русских!”, тем, для кого слово “еврей” аккумулирует едва ли не все недостатки рода человеческого – от патологической жадности до беспредельной трусости. Ее полезно было бы прочесть нашим так называемым патриотам, искренне полагающим, что наиболее

эффективный способ спасения России – в побивании любыми средствами (осквернение кладбищ, взрывы в синагогах, квоты на профессию etc.) “лиц еврейской национальности”. Впрочем, понятно, что сослагательное наклонение в данном случае так и останется сослагательным.

В поисках себя

Григорий Померанц. Записки гадкого утенка. – М.: Моск. рабочий, 1998.

Рожденный летать изначально обречен постоянно чувствовать себя на птичьих правах. Это не закон природы, но не менее незыблемый закон человеческого общества – как правило, довольно жестокого и не очень справедливого.

Представлять автора серьезному читателю нет необходимости – его известность давно перешагнула пределы России.

Книга открывается главой “В поисках потерянного стиля”. Отшлифованное до зеркального блеска бюфоновское определение “Стиль – это человек” уже две с лишним сотни лет цитируют к месту и не к месту, при этом редко понимая до конца смысл великолепного афоризма. Тот смысл, который имел в виду Андрей Синявский, говоря вроде бы иронически и одновременно на полном серьезе о своих стилистических расхождениях с властью. В помощь особо непонятливым Шопенгауэр растолковал: “Стиль – физиономия ума, менее обманчивая, чем настоящая физиономия. Подражать чужому стилю – все равно, что носить маску”. Померанц добавляет: стиль – это это внутреннее зернышко человека, его чувство истины и в то же время – установка на определенного собеседника. *“То, что я пишу, – честно предупреждает*

он, — для гадких утят. Для тех, кто хочет найти не другой птичий двор, а самих себя. Если вам этого не хочется, если какой-то улучшенный птичий двор вам нравится, не читайте дальше. Это не для вас. <...> Я не хочу вас соблазнять и делать несчастными, сбивать с вашей дороги”. (Помните, конечно, у О. Генри: дело не в дорогах, которые мы выбираем, а в том, что внутри нас заставляет выбрать ту или иную дорогу...)

Гадкий утенок – ключевой образ книги. Он идет по своей тропке без какой-либо видимой цели, обходя стороной большие дороги и птичьи дворы, твердо зная: на каждом птичьем дворе его будут клевать. У Андерсена все заканчивается так, как и должно быть в доброй сказке: нашел горемыка единокровных братьев, погляделся в воду и почувствовал себя своим среди своих. Happy end! В жизни так не бывает. Прежде всего потому, что Лебедь – нечто идеальное, подобие Бога. А мы, гадкие утята, в лучшем случае, можем лишь на краткие мгновения ощутить себя в полете. А потом снова оказаться на земле, беспомощно трепыхая крыльями. “*Может быть, все мы немножечко лебеди, – грустно замечает автор, – каждый из нас по-своему лебедь. <...> И катастрофически быстро забываем свою лебединость в современной жизни, где так много быстроты – и так мало тишины*”. И далее: “*Гадкий утенок – существо переходное. <...> Ему не дано совершенства. Его дело – жить ради лучшего, которое приходит изнутри и стучится в сердце. Ради лучшего, ко-*

торое когда-нибудь, к кому-нибудь достучится”.

Написать кратко об этой книге невероятно трудно – все время хочется цитировать целыми абзацами; можно раскрыть ее почти наугад: *“Я вырос человеком воздуха – без почвы, без традиций и без тоски по ним. Я доверяю только личности, раздетой от всех условностей истории, оголенной, как гол я свм...”.* Или: *“Я прошел через всю войну и совершенно убежден, что русский человек больше всего чувствует себя человеком именно у бездны на краю (а не в мирной добропорядочной обстановке; не в доме, который построил Джек. Об этот эффект бездны Гитлер и расшибся...). А потом герои снова становятся пьяницами, разгильдяями и ворами”.* Или: *“Идеи, способные овладеть массами и стать материальной силой – не мои идеи. Мне хочется передать гадким утятам свой опыт – как выносить историю, а не командовать ею; и при любых зигзагах находить пути медленной помощи. Мне хочется оставить им в наследство стиль спора – без расчета на выигрыш”.*

Можно соглашаться или не соглашаться с автором, восхищаться неожиданными поворотами мысли и отточенностью формулировок или ожесточенно полемизировать с ним (к последнему варианту ему не привыкать). Нельзя только оставаться равнодушным.

В аннотации жанр книги обозначен как мемуарная проза. Это и так, и не так. На самом деле “Записки...” представляют собой редкостный сплав мемуаров, философии и эссеи-

стики. Иного, впрочем, в данном случае ожидать и не приходилось. Автор – не тот человек, чтобы бесстрастно знакомить читателя с эпизодами собственной биографии: родился – учился – женился... Григорий Померанц – знаковая фигура в отечественной культуре и диссидентском движении, его работы, как правило, становились событием, вызывали бурные дискуссии.

“Записки гадкого утенка” – книга из разряда итоговых. На ее страницах восемь десятилетий жизни одного человека неразрывно переплелись с историей страны: детство мальчика из интеллигентской семьи, рано ощутившего свою “гадкоутеночность” (по пятому пункту); ифлийская юность, подарившая общение с незаурядными людьми и определившая всю дальнейшую судьбу; война – практически от звонка до звонка (Главы, ей посвященные, могут быть отнесены к лучшим образцам военных мемуаров); ГУЛАГ; годы существования на птичьих правах...

Степень искренности при этом такова, что возникает эффект живого общения. Григорий Померанц никогда не стремился быть злободневным, и потому его работы 20- и 30-летней давности, цитируемые в “Записках...” не воспринимаются сегодня как устаревшие. Да они и не могут устареть.

Время избранности

Ержи Эйнхорн. Избранный выжить. – СПб.: Всемирная литература, 1999.

Чтобы написать такую книгу, нужно было прожить такую жизнь – жизнь еврея, родившегося в Польше, чудом пережившего самую жуткую болезнь XX века – коричневую чуму и обретшего вторую родину в Швеции.

Жизнь Ержи Эйнхорна можно считать иллюстрацией к высказыванию Людвиг Берне: “Страдание – отец мудрости, любовь – ее мать”. Судьба не обделила автора книги ни страданием, ни любовью. “Избранный выжить” – обжигающий человеческий документ, сравнимый по силе эмоционального воздействия с “Дневником Анны Франк”. Это история жизни одного человека и его семьи, история небольшой еврейской общины и одновременно – история еврейского народа, неразрывно связанная с историей человечества. Ведь чужого пепла не бывает, и колокол всегда звонит по каждому из нас. (Предыдущая фраза написана с единственной целью: подчеркнуть, что подобных “красот стиля” в книге нет – рассказ ведется просто и сдержанно, местами даже сухова-то. Особенно, когда речь идет о самом страшном, о том, что непосредственно связано с Холокостом. И это лишь усиливает впечатление.)

Во многих странах, в частности, в той же Швеции, ежегодно проводится день памяти жертв Холокоста. Причем проводится не формально – с участием первых лиц государства. И показательно, что книга Эйнхорна сразу стала бестселлером, выдержав за два года несколько крупнотиражных изданий.

Видимо, есть какой-то высший смысл в том, что первый перевод “Избранного выжить” оказался именно русским, переводом на язык народа, который внес наибольший вклад в общую победу над фашизмом. Хотя приходится с сожалением констатировать, что особенно счастливой судьбы книги в нынешней России ожидать не приходится – сегодня в списки бестселлеров попадают совсем другие издания.

Может быть, главная идея книги, хотя и не сформулированная прямо, но ясно прочитываемая между строк, – национальное самосознание не может вступать в противоречие с общечеловеческими ценностями, которые в любом случае должны оставаться на первом месте.. Как раз этим оно отличается от национализма. Понятно, что никакого открытия здесь нет, однако прописные истины время от времени необходимо повторять, причем именно в неявной форме.

Первая часть произведения хронологически охватывает предвоенный период, начиная с конца двадцатых (первые детские впечатления рассказчика), и годы войны, вторая – послевоенную эпоху. В основную ткань чисто мемуарного характера вплетаются исторические отступления и размыш-

ления автора, при этом образуется плотная структура повествования.

В истории еврейского народа Польша занимает совершенно особое место: в XVI веке здесь жило почти три четверти всех евреев планеты, здесь находился мировой центр иудаизма и существовали давние традиции еврейских погромов – во время восстания казаков Богдана Хмельницкого было убито более ста тысяч евреев. Накануне Второй мировой войны еврейское население Польши составляло свыше трех миллионов. Прославленная немецкая рациональность помогла стратегам Третьего рейха выбрать наиболее подходящее место для окончательного решения еврейского вопроса: генерал-губернаторство Польша. Основную массу не нужно было далеко везти. Для каждого еврея Польша ассоциируется с Освенцимом и Трешлинкай, с Майданеком и Собибором. А еще – с Варшавским гетто и тремя сотнями гетто помельче, с героическим сопротивлением обреченных на гибель людей. А когда, казалось бы, самое ужасное закончилось, в 46-м, – волна еврейских погромов, уже в новой, освобожденной Польше, заставившая практически всех уцелевших евреев покинуть страну.

Эйнхорн рассказывает обо всем этом, стараясь оставаться спокойным и беспристрастным, насколько такое в принципе возможно. Все исторические факты достаточно хорошо известны – разумеется, тем, кто хочет их знать. Печальный парадокс: когда ужас становится беспредельным, он уже не вос-

принимается адекватно. Человеческий разум не в состоянии постичь хладнокровное убийство

шести миллионов человек, точно так же, как и зримо представить расстояние в тысячу световых лет. Наверное, именно поэтому особенно сильно на читателя действуют страницы, посвященные трагедии еврейской общины маленького польского городка Ченстохов, в котором жила семья Эйнхорнов. Невозможно без содрогания читать о тщательно спланированных и аккуратнейшим образом осуществлявшихся “акциях” по уничтожению беззащитных женщин и мужчин, детей и стариков, единственная вина которых перед рейхом заключалась в том, что они родились евреями. Однако даже в нечеловеческих условиях гетто люди оставались людьми, дети росли, юноши и девушки влюблялись друг в друга, отчетливо понимая, что у их любви нет будущего. Из 39 тысяч ченстоховских евреев в живых осталось 2718 человек. Ержи по чистой случайности оказался среди этих избранных судьбы.

Ощущение *такой* избранности, сознание того, что ты живешь не только за себя, но и за тех, кто превратились в пепел, – неимоверно тяжкое бремя. *“Мы, избранные, должны жить со своей памятью”*, — с горечью пишет Эйнхорн. И далее: *“Наше время на исходе. Поэтому на закате дней мы чувствуем потребность рассказать о нашей судьбе и надеемся, что что наши свидетельства будет невозможно отрицать или оставить незамеченными”*.

Вторая часть книги – рассказ о шведском периоде жизни автора, о том, как оказавшийся в чужой стране юноша обретает свое место в жизни. Здесь немало поучительного для каждого, кто выбирает для себя непростую судьбу эмигранта. Лишь исключительная целеустремленность, стойкость и вера в себя позволили молодому человеку, чужаку, не знающему языка, пройти этот путь, стать тем, кем он стал – выдающимся онкологом, многолетним членом Нобелевского комитета, депутатом риксдага. И снова для него на первом месте – люди. *“Я искренне благодарен судьбе, – пишет Эйнхорн, – что она забросила меня именно в Швецию... Я чувствую, что люди понимают и принимают меня таким, какой я есть”*. И здесь же – очень важное: *“Демократия – это не только и не столько государственное устройство, но в первую очередь отношение людей друг к другу”*. В этом – весь Ержи Эйнхорн.

Как выходят из ряда вон

Джин. Н. Ландрам. Четырнадцать гениев, которые ломали правила. – Ростов-на-Дону.: Феникс, 1997.

Чтобы стать великим, не нужно этого слишком сильно хотеть. Парадокс? Конечно. Однако не стоит забывать: большинство парадоксов при ближайшем рассмотрении оказываются не менее справедливы, чем таблица умножения.

Вышедшая в популярной серии “Исторические силуэты”, издаваемой ростовским “Фениксом”, книга Джина Н. Ландрама “Четырнадцать гениев, которые ломали правила” может быть отнесена по ведомству массолита весьма условно. Так же, впрочем, как и две другие книги того же автора – “Тринадцать мужчин, которые изменили мир” и “Тринадцать женщин, которые изменили мир”. Среди множества книг этой, равно как и до неразличимости близкой ей серии “След в истории” того же издательства, ландрамовские стоят особняком. Поскольку написаны, по определению самого автора, в жанре психологической биографии, “с целью отыскать ответ на вопрос: что же делает великих людей великими?” Таким образом, факты из жизни знаменитостей оказываются прежде всего материалом для анализа психолога.

“Четырнадцать гениев...” логически завершают своеобразную трилогию, объединенную не общими героями, но об-

щими идеями. Любители жизнеописаний выдающихся личностей с удовольствием прочтут все три работы; человеку, пожелавшему разобраться с идеями Ландрама, достаточно ознакомиться с последней.

Идей, вообще-то, в книге немного – строго говоря, всего одна. Очень простая и очень американская: гениями не рождаются, а становятся. По-вашему, маловато на шесть с лишним сотен страниц?.. Это как посмотреть. Не важно, сколько у тебя идей – важно, сколь они хороши. Данная – хороша уже своей оригинальностью, поскольку противоречит привычным представлениям: гениальность – от Бога или – в атеистическом варианте, – от мамы с папой.

Наверное, книге больше бы подошло скучное и банальное название типа “Как достигают вершины”. Кстати, в оригинале — *Profiles of Power & Success* (“Профили власти и успеха”), а то, что в переводе стало заглавием, у автора – подзаголовком. Дело в том, что, по Ландраму, гений – это человек, достигший вершины успеха в определенной области, деятельность которого имела общемировое значение (неважно, позитивное или негативное). С такой точки зрения, “непризнанный гений” – абсолютно бессмысленное словосочетание, нечто вроде “твердой жидкости”. Опять-таки, вполне американский подход. Что толку в твоём результате, если он никем не востребован! Товар стоит ровно столько, за сколько его покупают. Умирающий в нищете и безвестности Ван-Гог – никто, и звать никак; когда же его полотна начинают

продаваться за сумасшедшие деньги – он автоматически становится гением. Полная корреляция с англосаксонской мудростью: чтобы узнать вкус пудинга, нужно его съесть.

Свою основную мысль об определяющем влиянии личностно-психологических факторов на процесс формирования будущего гения (и, естественно, на конечный результат) автор проводит от первой до последней страницы, прочно вколачивает ее в читательское сознание, по ходу дела расправляясь с оппонентами. Получается вполне убедительно. С фактами в руках Ландрам доказывает несостоятельность утверждения Фрэнсиса Гальтона (выдающегося биолога и психолога, кузена Чарльза Дарвина), что генетический набор и семейная наследственность – первоосновы успеха. Опровергает “познавательную-элитарную теорию” Мюррея и Хернштейна, согласно которой успех – производное от интеллекта, образования и социально-экономического статуса. Вообще, в книге масса ссылок на работы классиков науки и современных исследователей, от Фрейда и Юнга до Франкла и Тоффлера, причем большинство имен цитируемых авторов совершенно не знакомо непрофессионалу (вероятно, и значительной части российских психологов – тоже). Библиографический список, будь он приведен, включал бы не одну сотню названий.

Ландрам выделяет семь ключевых личностных качеств, определяющих суперуспех: интуиция; самоуважение; склонность к риску; мятежный дух; одержимость; трудоголизм;

упорство. По его убеждению, достичь вершин в любой важной области человеческой деятельности возможно, если человек обладает полным набором этих характеристик, причем та или другая из них выражена необычайно резко. Соответственно количеству факторов успеха, герои книги (не случайно их оказалось именно четырнадцать) сгруппированы автором в семь пар, при этом сочетания получились довольно неожиданные: Наполеон Бонапарт и Фрэнк Ллойд Райт (интуиция); Мария Монтессори и Пабло Пикассо (самоуважение); Амелия Эрхарт и Говард Хьюз (склонность к риску); маркиз де Сад и Айседора Дункан (мятежный дух); Никола Тесла и Адольф Гитлер (одержимость); Елена Рубинштейн и Руперт Мэрдок (трудоголизм); Уолт Дисней и Эдит Пиаф (упорство). Каждой паре и одновременно соответствующей ключевой характеристике посвящена отдельная глава.

Некоторые имена мало что говорят нашему читателю, однако автор разъясняет свой принцип отбора, одновременно подчеркивая его неизбежную субъективность. А кто не знает того или иного гения – заодно и познакомится.

По Ландраму, указанные качества закладываются с детства, в процессе формирования личности, и не наследуются, а усваиваются при соответствующем окружении и воспитании. Что же касается интеллекта и образования, то их роль весьма незначительна, более того, слишком высокий IQ и “излишняя” образованность оказываются излишним грузом, не позволяющим достичь вершины успеха.

Отдельно рассматриваются прочие многочисленные факторы, имеющие отношение к формированию будущего гения (наличие братьев и сестер и порядок рождения ребенка в семье, влияние родителей, роль кумиров, энергия либидо и т. п.)

Особое внимание автор уделяет так называемой “концепции парадоксального намерения”, предложенной Франклом, согласно которой нельзя заикливаться на достижении конечного результата. Необходимо сразу определить главную цель, а затем как бы забыть о ней, спрятать подальше в подсознание и сосредоточиться на промежуточных целях, приближаясь к главной step by step. Короче говоря, слишком сильно хотеть – вредно: ничего не получится. Кстати, и к тому, о чем вы сейчас подумали, это тоже относится.

Одна из интереснейших глав книги – “Кризис как прародитель творческой энергии и могущества”. Опираясь на работы выдающегося физико-химика, нобелевского лауреата Ильи Пригожина, установившего неожиданные общие закономерности в неживой и живой природе, автор развивает тему влияния кризисных событий в жизни человека на его поведенческие характеристики, в дальнейшем определяющие успех.

Приводимые в книге факты свидетельствуют: подавляющее большинство великих в свое время пережили серьезные потрясения, тяжелые душевные или физические травмы, находились на грани отчаяния. Одни приобрели после это-

го необычайные творческие способности (этот феномен отдельно обсуждается), других кризис вооружил волей, упорством, склонностью к риску...

Вообще, герои книги вызывают прежде всего сочувствие: мало того, что путь бесконечно труден, так ведь и достигнутый фантастический успех, как правило, особой радости не приносит (функциональные расстройства личности, одиночество гения etc.).

Очень хороша заключительная глава “Власть, успех и личность” (понятие “власть” трактуется автором широко: политическая власть; финансовое могущество; власть над умами и сердцами людей), в частности, небольшой раздел “Компьютер как метафорический пример развития личности”, рассчитанный на продвинутого читателя.

Кратким пособием родителям по воспитанию будущего гения может служить завершающая книгу таблица “Двенадцать принципов развития творческих способностей у детей”.

Резюме. По всем параметрам (всесторонний подход к предмету обсуждения, глубина анализа, четкая структурированность текста, множество таблиц и т. п.) работа Ландрама – самая настоящая (и превосходная!) научная монография. Даже рецензия на нее произвольно пишется по схеме отзыва на диссертацию. С другой стороны, живость и доступность изложения позволяют отнести “Четырнадцать гениев...” к лучшим образцам научно-популярной литера-

туры. А если прибавить к этому насыщенные любопытными подробностями биографические очерки – все признаки бестселлера налицо.

Качество перевода и редактирования более или менее удовлетворительное – ляпы вроде трансформации названия знаменитого романа Гессе в “Игру в шарики” или мадам Симоны де Бовуар в месье Симона де Бювуара встречаются все-таки не на каждой странице и поэтому вызывают скорее улыбку, чем раздражение.

Читайте, завидуйте (или сочувствуйте): они стали великими.

Непростая наука убеждать

Сергей Поварнин. Спор. О теории и практике спора. – СПб.: изд. “Лань”, 1996.

Понятия “человек “ и “спор” неотделимы. С полным основанием Декарт мог бы сказать: “Спорю, следовательно, существую”. Ибо человеческую сущность такая формулировка выражает, пожалуй, не в меньшей степени, чем общеизвестное *Cogito ergo sum*. В философском смысле жизнь человека есть непрерывная цепь споров: с природой, с судьбой, с себе подобными, с самим собой, наконец Даже самым бесконфликтным из нас приходится время от времени вступать в спор с окружающими. Абсолютных конформистов не бывает, за исключением, разве что, приверженцев некоторых религиозных учений Востока, а также клинических идиотов. Люди спорят на работе и дома, в пивной и в парламенте. Между тем никто не задается простым вопросом: “А умеем ли мы спорить?” Вопрос, конечно, риторический. Откуда же взяться умению, если нас никогда этому не обучали!

Специальных работ по теории и технике спора до последнего времени вообще не существовало, если не считать “Эристики” Шопенгауэра (прим.: не путать с эвристикой!). Ликвидировать данный серьезный пробел в нашем образовании и призвана книга Поварнина “Спор. О теории и прак-

тике спора”.

В предисловии автор сообщает, что данная работа предназначена, в первую очередь, для лиц, совершенно незнакомых с логикой (заметим мимоходом, что наиболее рьяные спорщики принадлежат, как правило, именно к этой категории), и является извлечением из его большого труда о прикладной логике в связи с теорией спора. Читателю, таким образом, предлагается своего рода учебное пособие для начинающих.

Необходимость и своевременность книги не вызывает сомнений. Хотя бы потому, что по своему содержанию она полностью соответствует названию, а следовательно, способствует выработке культуры дискуссии, дефицит которой постоянно ощущается.

Автор исподволь дает понять неосведомленному читателю, что спор является одновременно наукой, искусством, а иногда даже спортом, сочетает в себе элементы логики, психологии и риторики. Поскольку основные научные интересы Поварнина лежат в области логики, понятно, что основной упор он делает именно на эту, действительно важнейшую составляющую. При этом ориентируется, в соответствии с собственным предупреждением, на человека, не слишком продвинутого в данной области. Вместе с тем, и более искушенный читатель найдет для себя немало интересного.

Пособие состоит из двух разделов. В первом, озаглавленном “Общие сведения о споре”, вводятся некоторые необходимые для дальнейшего изложения логические понятия, об-

суждаются виды ошибок в доказательствах и рассматриваются виды спора, а также условия для начала спора. Здесь же даются рекомендации по выбору собственных доводов и опровержению доводов противной стороны. Обращается внимание даже на манеру спорить, при этом затрагиваются, естественно, вопросы этики и психологии.

Для того, чтобы в споре родилась истина (кстати, автор показывает, что это не всегда является целью диспута), он должен быть как минимум корректным, причем в аспекте не только этики, но и, в первую очередь, логики и психологии (способ доказательства своей правоты путем выплескивания прохладительных напитков в физиономию оппонента в пособии не рассматривается). А поскольку именно в этом отношении большинство участников нынешних дискуссий на всех уровнях, мягко говоря, не блещут, особое внимание автор уделяет вопросам, связанным с корректностью спора.

Во втором разделе книги, названном “Уловки в споре”, приводится оригинальная авторская классификация видов уловок как логического, так и психологического характера и их детальное описание. Даются практические рекомендации по борьбе с непозволительными уловками оппонента и по эффективному использованию позволительных уловок (оказывается, есть и такие). Эта часть, пожалуй, наиболее интересна и составляет по объему почти две трети 150-страничного пособия. Автор подробно анализирует различные способы применения уловок, которых существует великое

множество. Четкость мысли при этом сочетается с живостью изложения, достаточно серьезные вещи обсуждаются с использованием не слишком серьезной терминологии (“рабская уловка”, “подмазывание аргумента”. “опровержение в кредит”, “дамский аргумент”, “втирание очков на мысли” и т. п.). Основные положения иллюстрируются соответствующими примерами из современной политической и другой жизни, удачно подобранными цитатами из Сенеки и Монтеня, Шекспира и Мольера, Тургенева и Гончарова etc.

Вот, например, ехидная рекомендация Шопенгауэра относительно использования так называемого “карманного довода”, т. е. довода к карману оппонента: “Там, где применяется эта уловка, остальные можно и не применять. Действуйте не на разум с помощью доводов, а на волю с помощью мотивов; тогда и противник, и слушатели, если у них такие же интересы, как у него, сейчас же согласятся с вашим мнением, хотя бы оно было заимствовано из дома сумасшедших. <...> Когда мы сумеем осязательно доказать противнику, что мнение его, если бы оно приобрело значение, нанесет существенный вред его интересам, – он так же поспешно отшвырнет это мнение, как раскаленное железо, которое нечаянно схватил в руку”.

Из всего вышеизложенного следует: книга, несомненно, заслуживает одобрения. Скажем больше: совсем неплохо было бы рекомендовать ее самому широкому кругу читателей – от школьников до членов правительства и депутатов

Госдумы. К сожалению, мало надежды, что у наших сверхзагруженных архиважными общественными и личными делами государственных мужей найдется время ознакомиться с данным пособием для начинающих.

Общая теория ненависти

Глюксманн А. *Философия ненависти*. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2006.

Французский философ, культуролог и публицист Андре Глюксманн из породы людей, привыкших идти против течения. Тот самый “вечный оппозиционер”, который в полном соответствии с советом Хуана Рамона Хименеса, получив линованную бумагу, пишет поперек. Разумеется, это не отрицание ради отрицания – это именно то, что называется нонконформизмом. Редкое и ценное качество, если иметь в виду, что большинство, как свидетельствует опыт мировой истории, далеко не всегда оказывается право.

Книга Глюксманна “Философия ненависти”, пожалуй, первая работа в современной политической литературе, посвященная феномену ненависти как фундаментальному общечеловеческому свойству, имманентно присущему биологическому виду *Homo Sapiens*. Присущему в той же мере, в какой, согласно теории знаменитого биолога Конрада Лоренца, животному свойственна агрессия. Впрочем, ненависть человека разумного оказывается пострашнее агрессии какой-то неразумной твари.

Инвективы автора в адрес монстра ненависти ненависти весьма эмоциональны: *“Ненависть обвиняет не зная. Нена-*

висть судит не выслушав. Ненависть выносит приговор по своему желанию. Она ничего не уважает, думает, что противостоит мировому заговору. В конце концов, закованная в латы своей мстительности, она рассекает все узлы произвольным и самовластным ударом зуба. Ненавижу, следовательно, существую”.

Автор подробно рассматривает три конкретные формы ненависти: антисемитизм, антиамериканизм и женоненавистничество, легко переходя от древнегреческой классики к совсем недавним примерам (Камбоджа, трагедия 11 сентября 2001 г., теракт в Мадриде) и самым острыми проблемами современности (Ирак, Чечня). При этом постоянно подчеркивается наиболее характерное, по мнению Глюксманна, свойство ненависти, общее для всех ее проявлений: непризнание за объектом самого права на существование, стремление к его физическому уничтожению. Именно этим она отличается от обычной враждебности, которая ограничивается негативным отношением лишь к действиям объекта.

Говоря о нелюбви Европы к США, автор с горечью отмечает ленивое либо наивное невежество европейской общественности и политиков, обычно лежащее в основе их восприятия окружающей действительности.

Можно по-разному относиться к весьма резким высказываниям Глюксманна в отношении российской политики в Чечне или к его безоговорочной поддержке действий США в Ираке, можно усомниться в правомерности включения в

общую схему такой своеобразной формы ненависти, как женоненавистничество (понятно, что в данном случае речь в принципе не может идти о непризнании за объектом права на существование, поэтому в книге рассматривается лишь отвратительный мужской шовинизм древних греков и современных исламских фундаменталистов). Однако в главном автор, безусловно, прав: сегодня человечество живет в пространстве ненависти. И чтобы выжить, ему необходимо *“бороться с ее убийственным безумием и улыбаться ее смехотворности”*.

Что значит “мочить в сортире”

Черницкий А. М. Как спасти заложника, или 25 знаменитых освобождений. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003.

В 25 главах-очерках, составивших книгу Александра Черницкого, фактически представлена вся та часть истории современного терроризма, которая связана с захватами заложников, – от первого в мире захвата израильского самолета в 1968 г. до трагедии в Театральном центре на Дубровке в 2002-м.

Описаны действительно самые известные операции по освобождению заложников, хотя в некоторых случаях слово “освобождение” может быть употреблено лишь в закавыченном виде. Скажем, применительно к абсолютно провальной операции немецких спецслужб по спасению захваченных израильских спортсменов-олимпийцев в Мюнхене в 1972 г., закончившейся гибелью всех заложников.

В числе описываемых эпизодов фантастическая по дерзости замысла и и вполне голливудская по исполнению операция израильтян (1972 г.) по освобождению пассажиров аэробуса А-300, угнанного террористами в Уганду, масштабная француско-саудовская операция по освобождению паломников в Мекке (1979 г.) и наш Буденновск. По ходу рассказа автор набрасывает портреты как широко известных тер-

рористов вроде Карлоса Шакала, так и гораздо менее “засвеченных”, например, доктора Хадада, интеллектуала, которому мир “обязан” появлением основного арсенала средств современного терроризма – от угона самолетов до использования террористов-смертников.

Теракты и операции по освобождению заложников рассматриваются в общем контексте новейшей истории, при этом читатель получает массу подчас неожиданной для себя информации. Например, о так называемых палестинских беженцах, которых, как выясняется, никто не изгонял из мест проживания. Как напоминает автор, в 1948 г., в канун провозглашения Израиля, лидеры арабов Палестины призвали своих соплеменников ненадолго покинуть дома, чтобы армии арабских стран могли беспрепятственно покончить с еврейским присутствием в центре арабского мира. Добровольные беженцы, рассчитывавшие вскоре вернуться домой, поселились в палаточных лагерях на сопредельных территориях. С быстрым возвращением не получилось, дело затянулось на многие десятилетия, а пресловутые лагеря превратились в идеальную питательную среду для терроризма.

В качестве своеобразного послесловия приводится свод правил для потенциальных заложников, позволяющих уменьшить вероятность превращения их в заложников реальных, а если таковое все же произошло – выжить в плену. Заодно даются рекомендации для руководителей операций по освобождению заложников.

Кстати, знаменитое путинское выражение “в сортире замочим”, как выясняется, отнюдь не придумка российского президента. Будучи профессиональным чекистом, он, разумеется, знаком с историей международного терроризма. В частности, с тем, что при штурме захваченных террористами самолетов бандиты нередко укрывались в туалетах, где их расстреливали прямо через запертую дверь.

Всеобщая история террора

Известные теракты. Авторы-сост. Д. В. Нестерова, А. В. Нестерова, О. В. Шумахер. – М.: – Вече, 2003.

Книга с таким названием сегодня, к сожалению, не может не привлечь внимания. Видимо, излишне объяснять, почему. И несомненным достоинством данного издания следует считать уже то, что оно позволяет получить достаточно полное представление о многоликости этого страшного и непредсказуемого явления.

Сразу следует отметить: название “Известные теракты” не вполне соответствует содержанию книги – тут больше бы подошло бы что-нибудь вроде заголовка данной рецензии. Дело в том, что авторы не ограничились описанием отдельных террористических актов, а попытались рассмотреть терроризм как неотъемлемую часть истории человечества, начиная практически *ab ovo* – даже не от Цезаря и Калигулы, а от невинно убиенного фараона-реформатора Эхнатона. Для полного погружения не хватает разве что персонажей Ветхого Завета, скажем, Каина с Авелем.

А вообще, в главе “Корни зла, или Террор до террора” чего только нет: здесь и гонения на ранних христиан, и великие завоеватели Фридрих Барбаросса с Чингисханом и Ричардом Львиное Сердце, и первопроходец в части инсцениро-

ванных судебных процессов Генрих VIII, и, естественно, святая инквизиция.

Впрочем, “преданья старины глубокой” в книге занимают не слишком много места. Гораздо более детально изложена история Великой французской революции, во время которой, собственно, и появились термины “террор” и “терроризм” (хотя как раз наиболее известному теракту, с ней связанному – убийству Марата уделено лишь несколько строк).

Нашлось место в книге и российским самодержцам-тиранам Ивану Грозному и Петру Великому, и лидерам народных восстаний – Степану Разину и Емельяну Пугачеву. Весьма обширна глава, в которой рассматриваются истоки терроризма в России – начиная от первого отечественного теоретика терроризма Петра Заичневского, открыто провозгласившего убийство допустимым средством для достижения политических и социальных целей.

Отдельные главы посвящены террору в большевистской России (красный и белый террор), государственному террору в фашистской Германии и в Советском Союзе. Особое внимание уделено современному терроризму, который, по принятой классификации, подразделяется на пять основных типов: националистический, религиозный, терроризм левых экстремистов, терроризм правых экстремистов, терроризм с поддержкой государства. Данный раздел книги весьма информативен, здесь рассмотрена деятельность не только печально знаменитых террористических организаций

вроде “Аль-Каиды”, ХАМАС или “Аум синрикё”, но и куда менее известных, например, АСАЛА – Армии освобождения Армении.

Нелепо было бы предъявлять к книге, ориентированной на массового читателя (а именно таковой “Известные теракты”, несомненно, являются), те же требования, что и к научной монографии, тем не менее, ряд претензий все же возникает. Явно претендуя на полноту охвата проблемы, авторы при рассмотрении государственного терроризма умудрились даже не упомянуть о китайской “культурной революции” и о чудовищных преступлениях режима Пол Пота, уничтожившего руками “красных кхмеров” три миллиона человек – четверть населения Камбоджи. В главе “Громкие теракты XX века” можно найти рассказ о покушении на Леонида Брежнева, однако отсутствует куда более громкое покушение на Иоанна Павла II. Ну и, конечно, учитывая компилятивный характер книги, совершенно необходимо было привести список использованных источников.

Если выпало в империи родиться

Файман Г. С. Уголовная история советской литературы и театра. – М.: Аграф, 2003.

Книга Григория Файмана не совсем обычна. Собственно, это сборник документов – большей частью из архивов ЦК КПСС и КГБ. Тема для России вечная и всегда больная: Художник и Власть. Помещенные под одну обложку и соединенные мостиками-комментариями, документы, как элементы мозаики, складываются в одну четкую картинку.

В качестве центральных персонажей книги выбраны разновеликие фигуры: Александр Фадеев, Михаил Зощенко, Аркадий Белинков и Виктор Суворов.

Раздел, посвященный Фадееву, включает направленные в ЦК КПСС предложения автора “Разгрома” и “Молодой гвардии” по усилению роли партийных органов в руководстве творческими союзами и подписанную Фадеевым, Сурковым и Симоновым докладную записку Хрущеву “О мерах Секретариата Союза писателей по освобождению писательской организации от балласта” (в последнем документе рапортовалось о борьбе с засильем евреев в Московской организации СП). Здесь же приводится предсмертное письмо Фадеева, проливающее свет на истинные причины самоубийства “маршала советской литературы”. Абсолютно уместны-

ми выглядят и помещенные в этот раздел документы, непосредственно не связанные с самим Фадеевым, – например, письмо будущего Главного конструктора Сергея Королева с предложением своих услуг по созданию мавзолея для товарища Сталина из незамерзающего стекла.

“Зощенковский” блок материалов (центральное место в нем занимают доклад товарища Жданова на собрании ленинградского партийного актива, разъясняющий печально известное постановление ЦК ВКП(б) 1946 г. “О журналах “Звезда” и “Ленинград”, письмо жены писателя Веры Зощенко Сталину и направленный в ЦК КПСС отчет о состоявшемся в 1954 г. собрании ленинградских писателей) позволяет получить полное представление о растянувшемся на многие годы отвратительном, абсурдистском спектакле под названием “Шельмование Михаила Зощенко”...

Имя Аркадия Белинкова, в отличие от прочих главных героев книги, скорее всего, вообще незнакомо рядовому читателю, не ведающему о существовании романа “Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша”. Зато для того, кто “в теме”, эта глава весьма интересна, ибо включает не только вполне кафкианские протоколы допросов обвиняемого, но и значительные фрагменты дипломной работы Белинкова – романа “Черновик чувств”.

Несколько особняком, на первый взгляд, стоит небольшой “суворовский” раздел – довольно содержательное интервью с автором “Аквариума” и “Ледокола”. Вроде бы, из другой

оперы? Да нет, все правильно. Оперы все те же, с холодными глазами и кипящим возмущенным разумом.

Напоследок – пара не слишком существенных замечаний. Отсутствует датировка многих документов. Не помешал бы и именной указатель.

Ну, а в целом – очень своевременная книга! К сожалению.

Компромат для диктатуры закона

Токарева Е. Кто подставил Ходорковского. – М.: Яуза, 2006.

Все-таки у нас сегодня явно не самая читающая страна. Книга Елены Токаревой выходит уже вторым изданием (первое называлось по-другому – “Записки рядового информационной войны”) – и, по большому счету, тишина. Многие ли о ней слышали? А ведь она из разряда тех, за которые понимающие толк в журналистике люди дают Пулитцеровскую премию. Чрезвычайно информативная, по-настоящему сенсационная, мастерски написанная. Что касается занимательности, может дать сто очков вперед любому детективу. О чем она? О политике и СМИ, о взаимоотношениях власти и бизнеса, о корпоративной этике и выборных технологиях, о пиаре и информационных войнах, о профессиональных либералах и профессиональных патриотах. И – между строк – о нас с вами

Главный редактор сегодня уже не существующей компроматно-аналитической газеты *Stringer*, получившая премию Союза журналистов “За разработку и создание издания нового типа” и, казалось бы, на пике успеха собственными руками закрывшая свое любимое детище, с шокирующей откровенностью рассказывает о кулуарах российской полити-

ки и отечественного бизнеса. Надо сказать, что особых симпатий никто из представителей нашего политического бомонда, мягко говоря, не вызывает.

Подробно описана хроника противостояния власти и ЮКОСа. Становится понятно, что “белых и пушистых” в этой драматической истории не было – автор раздает всем сестрам по серьгам.

Превосходна глава, посвященная выборам, – воспоминания и рассуждения до жути циничного юноши по кличке Гном Хэд, делающего свой маленький бизнес на раскручивании кандидатов националистического толка.

Пожалуй, самое впечатляющее место в книге – рассказ автора о своей беседе с видным чиновником из идеологического сектора президентской администрации Симоном Кордонским: *“... Кордонский уверенно произнес, что и компромат уже никому не страшен, потому что его публикация всего-навсего узаконивает беспредел. Вот какой-нибудь чиновник незаконно захватил, скажем, весь берег общенародной реки и строит на нем, близко к воде, коттеджи для дальнейшей продажи. Вы это опубликовали, с документами – и что? А ничего, прокуратура для виду заведет уголовное дело, а потом закроет. И все славненько узаконится само собой”*.

Здесь ведь более всего важно даже не то что именно сказано, а кем сказано. Не васей пупкиным из Мухосранска, а одним из тех, кто конструирует вертикали, лепит из красивых слов официальную идеологию, а заодно учит неразум-

ных сограждан не ковырять в носу и уважать родное государство... Можно понять, почему, услышав такие откровения своего собеседника, привыкшая ко всему журналист Токарева уронила чашку кофе себе на ноги.

И еще одна цитата, объясняющая, почему после убийства Пола Хлебникова было принято решение закрыть Stringer: *“... общество должно приучиться к мысли, что надо платить за возможность огласить правду. Платить много. За риск. За интеллект. За профессионализм. Иначе – прощайте!”*.

Елена Токарева написала довольно страшную и вполне пессимистическую книгу. Впрочем, для неисправимых оптимистов все же остается некоторое утешение: пока такие книги у нас издаются и Рунет не поставлен под тотальный контроль, еще не все потеряно.

Америка как она есть

Таратута М. Американские хроники, или Введение в капитализм. – М.: Центрполиграф, 2006.

Книга Михаила Таратуты прежде всего для тех, кто способен смотреть на мир незашоренным взглядом и пока еще не понял, но хотел бы понять, почему же все-таки Россия – не Америка. И, может быть, главное достоинство книги в том, что она заставляет думать.

Автор – известный журналист-международник, проработавший в США в течение многих лет, ведущий телепрограмм “Америка с Михаилом Таратутой” и “Русские горки” Превосходно владеющий темой не только благодаря продолжительному пребыванию в Соединенных Штатах – ему пришлось на собственной шкуре прочувствовать суровую капиталистическую действительность, будучи вынужденным делать свои программы и вообще как-то выживать без какой-либо финансовой поддержки из Москвы.

В названии книги закономерно присутствуют слова “введение в капитализм” – ее действительно можно считать учебным пособием по данному предмету. На конкретных примерах, отражающих результаты своих многочисленных контактов с представителями самых разных слоев американского общества, Таратута показывает, что же представляет собой

современный капитализм. Круг затрагиваемых тем – широчайший: работа и карьера, семья, быт, отдых, здравоохранение, отношение к детям, инвалидам, животным, феминизм, полиция, тюрьмы, американская история... Однако апологетикой и не пахнет – автор подмечает и несуразности в американском законодательстве, и доведение до полного абсурда некоторых вполне разумных идей вроде женского равноправия. И все же хорошего у якобы тупых, наглых и самодовольных, как многие наши соотечественники полагают, американцев на поверку оказывается несравненно больше, нежели плохого. Ну, вот хотя бы законопослушность. Любой гражданин США может быть уверенным в том, что закон реально работает и одинаков для всех – от президента страны до последнего бродяги. Ничего похожего на традиционное российское: “Закон – что дышло...” и громкие декларации нашей родной власти о “диктатуре закона”. Или – неизменное внимание к слабым, тем, кто физически не в состоянии “выплыть”.

Напоследок автор предостерегает читателя от соблазна сравнивать Америку и Россию: *“Как сравнить взрослого мужчину и подростка в период полового созревания? Америка живет устоявшимися законами, устоявшимися понятиями и институтами, а наша страна на протяжении последних двадцати лет постоянно меняется. Сегодняшняя Россия не похожа на себя пятилетней давности, и, скорее всего, будет иной к концу нынешнего десятилетия”*.

Да, сегодня ругать Америку считается едва ли не хорошим тоном. Диковинный хор исламских фундаменталистов, европейских интеллектуалов и наших отечественных урапатриотов слаженно обличает “мирового жандарма”, упрямо пытающегося установить новый всепланетный порядок и осчастливить неблагодарное человечество по собственному имперскому разумению. И хотя поводов для справедливой критики в свой адрес Соединенные Штаты действительно дают более чем достаточно, выплескивать вместе с грязной водой даже не очень красивого, на первый взгляд, ребенка по меньшей мере негуманно. К тому же, если присмотреться повнимательней, этот самый ребенок оказывается не таким уж уродом, а в чем-то даже гораздо симпатичнее тех, кто норовит его выплеснуть, невинно вопрошая при этом: “А был ли мальчик?”

Чтобы чужие боялись

Мур М. Где моя страна, чувак? Америка, которую мы потеряли. – М.: АСТ; ЛЮКС, 2004.

К тому, что делает Майкл Мур в кинодокументалистике и публицистике, трудно оставаться равнодушным – его работы вызывают или восхищение, или полное неприятие. Поэтому обладатель “Оскара”, удостоенный “Золотой пальмовой ветви” последнего Каннского кинофестиваля за фильм “Фаренгейт 9/11”, считается скандалистом номер один в Голливуде и – с точки зрения нынешних американских властей – едва ли не главным врагом государства.

“Где моя страна, чувак?” – уже вторая книга Мура, посвященная политике Джорджа Буша (первая, “Тупые белые мужчины”, в течение 50 недель находилась в списке бестселлеров газеты “Нью-Йорк таймс”, причем 8 недель занимала в нем верхнюю строчку.).

Автор открыто позиционирует себя как непримиримого противника режима республиканцев и видит свою главную задачу в том, чтобы ни в коем случае не допустить переизбрания нынешнего президента на второй срок. Это дает повод оппонентам обвинять Майкла Мура в демагогии и популизме и называть книгу “Где моя страна, чувак?” предвыборной листовкой, разросшейся до размеров книги. Однако

обвинения эти выглядят не слишком убедительно. В отличие от того, что пишет сам Мур.

А пишет он о вещах, крайне неприятных для хозяина Белого дома: о давних связях между семейством Бушей и династией, правящей в Саудовской Аравии; о личных “нефтяных” интересах президента и едва ли не каждого видного члена его команды (каковые интересы во многом определяют внешнюю стратегию сверхдержавы); о необъявленной войне властей против среднего класса, против бедных, против женщин, против тех, кто не согласен с идеей о мировом господстве США. С фактами в руках автор доказывает необходимость коренных изменений в государственной политике и предлагает конкретные пути достижения цели.

Доверительный тон, типично американский раскованный стиль делают книгу, что называется, читабельной. Даже неприкрытое ерничанье, например, избрать президентом страны знаменитую телеведущую Опру Уинфри или киноактера Тома Хэнкса не раздражает, а лишь вызывает запрограммированную автором улыбку. И тут же следует переход к обсуждению достоинств уже вполне серьезного кандидата – генерала Уэсли Кларка (кстати, в сентябре 2003 г. Мур действительно обращался к Кларку с просьбой выставить свою кандидатуру).

Ну, а что касается “Антипатриотизма” Майкла Мура, то его противники очень далеки от истины. И особенно хорошо должны это понимать российские читатели – граждане стра-

ны, в которой злейшими врагами государства и попросту сумасшедшими объявлялись слишком многие, по-настоящему болеющие за свою страну – от Радищева и Чаадаева до Сахарова и Солженицына. Иногда действительно необходимо бить своих, чтобы чужие боялись (точнее, уважали).

Остается только повторить вслед за обозревателем газеты “Индепендент”: “У Майкла Мура есть ум, юмор, дерзость и искренняя преданность своей стране – короче, все, чего нет у современных американских политиков”.

В поле притяжения двойной звезды

Вишневский Б. Л. Аркадий и Борис Стругацкие: двойная звезда. – СПб.: Terra Fantastica, 2003.

Книгу Бориса Вишневского можно без колебаний назвать настоящей удачей автора. И дело, разумеется, не в том, что практически любому изданию, имеющему хотя бы некоторое касательство к АБС (общепринятое среди истинных поклонников обозначение Аркадия и Бориса Стругацких), обеспечен как минимум читательский интерес. В безбрежном море литературы, посвященной творчеству знаменитых фантастов, работа Вишневского напоминает обитаемый остров, ступив на который отчетливо понимаешь, насколько же трудно быть богом в окружении хищных вещей века.

Чувствуется, что структура книги тщательно продумана, все ее части органично связаны одна с другой, работают на общий замысел. А замысел сам по себе достаточно прост: с максимально возможной точностью создать портрет любимого несколькими поколениями читателей замечательного писателя АБС. Что ж, выполненная в абсолютно реалистической манере картина удалась на славу – захватывает книга почти так же, как романы самих Стругацких.

Безусловно, портретисту повезло по-крупному: судьба подарила ему роскошь многолетнего личного общения с Бори-

сом Натановичем Стругацким, Данное обстоятельство оказалось необходимым и достаточным условием написания “Двойной звезды” – без него, по признанию самого автора, об этом просто не могло быть и речи.

Основное содержание книги составляют три главы: “Биографическая”, “Миры братьев Стругацких” и “Невеселые беседы при свечах”. Первая, соответственно названию, представляет собой историю жизни Аркадия и Бориса Стругацких, рассказанную каждым из братьев, – своего рода общую автобиографию. При этом записи воспоминаний уже ушедшего из жизни старшего, Аркадия, дополняются и уточняются младшим. Наверное, это самая грустная часть книги – мало кого, например, может оставить равнодушным рассказ о попытке Аркадия с отцом выбраться из осажденного Ленинграда по Дороге жизни, превратившейся для Натана Стругацкого в дорогу смерти.

Вторая глава, по всей видимости, должна показаться наиболее привлекательной для основной массы поклонников АБС. Она включает размышления автора книги о главных, “знаковых”, с его точки зрения, произведениях мэтров, сопровождаемые обширными комментариями Бориса Стругацкого. Следует заметить, что оценки последнего далеко не всегда совпадают с мнением Вишневого, и это придает книге дополнительную стереоскопичность.

Ну, а что касается людей, всерьез интересующихся политикой, то их, безусловно, привлечет третья, самая объемная

часть книги – запись бесед автора с Борисом Стругацким, состоявшихся в 1992 – 2002 гг. Речь в них идет не только о литературных, но и о вполне жизненных проблемах. Круг затрагиваемых тем чрезвычайно широк: взаимоотношения власти и общества, свобода слова и свобода человека вообще, терроризм и антиглобализм. При этом автор оказывается достойным оппонентом своего собеседника – знаменитого “Социального” фантаста, очень убедительно аргументируя собственную позицию. Характерно, что Стругацкий неизменно выглядит куда большим оптимистом, чем его визави. И неожиданно вспоминается мудрый печальный Лец: “Человек, идущий на зеленый свет, до конца верит в свою правоту”.

Путеводитель по полю брани

Арбатский Л. А. Ругайтесь правильно, или Довольно толковый словарь русской брани. – М.: Яуза, ЭКСМО-Пресс, 1999.

Оказывается, правильно ругаться тоже надо уметь. Причем все оказывается не так просто, как можно было подумать. Как справедливо заметил классик, “выражается сильно российский народ”. Однако при этом Николай Васильевич не уточнил, насколько правильно наш народ это делает. Правильно – не в экзистенциальном или онтологическом смысле (здесь-то двух мнений быть не может), а в чисто филологическом. Хотя в области ракетостроения, енисееперекрытия, а также балета мы несколько сдали позиции, зато пальму первенства по части сквернословия у нас, похоже, пока никто отнять не в состоянии. Тем не менее, чувство законной гордости по данному поводу не должно вызывать самоуспокоения – почивающего на лаврах раньше или позже обойдут. Некоторые тревожные тенденции уже просматриваются: пресловутое “поколение П” не только выбрало чужой прохладительный напиток, но и в массе своей почти утратило славные национальные языковые традиции, используя в своем лексиконе, в лучшем случае, десяток ругательств. Причем, весьма примитивных, вроде “блин” или чрезвычай-

но уродливых, типа “факаиться”. С учетом вышеизложенного актуальность книги с названием “Ругайтесь правильно” сомнений не вызывает.

Вообще-то словари, как правило, не предполагают “сквозного” прочтения – к ним обращаются в случае необходимости. Однако произведение Л. Арбатского – не совсем обычный словарь. Возможно, даже единственный в своем роде. И дело не только в том, что, в отличие от многочисленных словарей русской нецензурной брани, изданных у нас в последние годы, он не содержит ни одного матерного ругательства. Кроме того, автор, по принципиальным соображениям, не включил в словарь уничижительные клички, связанные с национальной принадлежностью.

Главная особенность книги в том, что в ней органично сочетается строго научный подход (дается толкование слова, его этимология, примеры правильного и неправильного употребления) с живым и остроумным изложением. В результате каждая словарная статья превращается в в хорошо отделанную миниатюру в жанре занимательной филологии, где-то ироничную, где-то грустную, а порой и довольно ехидную. Таким образом, успешно претворяется в жизнь плодотворный принцип обучения путем развлечения.

Вероятно, не слишком искушенный читатель не всегда заметит плавный переход от настоящего “серьеза” к излагаемой (опять же на полном серьезе) шутовой этимологической версии. Да и что за беда! Ведь не филологам же книга в

первую очередь предназначается. А что касается профессионалов, то автор уже в предисловии честно предупреждает: “Филологам пользоваться словарем не рекомендуется во избежание ущерба для здоровья (психогенных реакций).

Все ругательства в словаре классифицируются с использованием индексов степени оскорбительности:

“(с. о.) – смертельное оскорбление (нанесение с. о. связано с риском получения травм мягких тканей лица; рекомендуется для заочного применения).

(б. г.) – бытовая грубость (для применения на кухне коммунальной квартиры, в общественном транспорте, на рынке, в семейных конфликтах, в политической, литературной и научной полемике).

(м. п.) – мягкое порицание (уместно в дружеском общении, в разговорах с детьми, младшими научными сотрудниками, инспекторами ГАИ и другими морально незащищенными и легкоранимыми объектами).

(д. л.) – детский лепет (ругательства из лексикона дошкольников и детей младшего школьного возраста)”.

Понимая, что жизнь не стоит на месте, автор специально подчеркивает: *“Индексы оскорбительности ругательств приняты по состоянию на середину 1998 г. Классификация условна и относительна. Степень тяжести оскорбления в каждом случае зависит от конкретной ситуации”*.

Приведенная цитата в полной мере характеризует основательность подхода составителя словаря к поставленной зада-

че. Можно еще добавить, что в списке использованных источников – дюжина вполне серьезных книг от Даля и Ожегова до солженицынского “Русского словаря языкового расширения” и “Словаря московского арга” Елистратова, от классического “Условного языка петербургских мошенников” до современного издания “Блатняки и феня”, выпущенного российским МВД. Ну, а если бы перечень включал и источники, использованные для иллюстрации словоупотребления, общее число их, похоже, перевалило бы за сотню. Диапазон широк чрезвычайно – от древнерусских летописей до губермановских гариков.

Самое сложное при написании рецензии на эту книгу – удержаться от неумеренного цитирования. Здесь тот случай, когда можно цитировать почти навскидку, беря наугад едва ли не каждую из 216 статей. Вот одна из них, отнюдь не самая “ударная”, зато самая короткая:

*“**Экстремист** (с. о. в политической полемике) (м., - **истка** – ж.) – буквально: **бешеный** фанатик, осатанелый извер, крайне радикальный псих, исповедующий необходимость террора и насилия для осуществления своих **идиотских** (см. **идиот**) политических целей.*

Однокоренное слово **экстремизм** – политическая практика, допускающая при необходимости стирание Земли в порошок с целью доставить неприятность своим политическим оппонентам. **Экстремизм** бывает двух направлений: правый и левый, в зависимости от того, каким полушари-

ем мыслит данный Э. – правым или левым. Роднит оба эти направления то, что упомянутые полушария не являются полушариями головного мозга.

(От латин. *extremus*, что означает “крайний” В Древнем Риме римляне, занимая очередь за билетами на представление в Колизее, спрашивали: “Извините, кто тут *extremus*?” По другой версии, слово Э. произошло от латинского “*excrementum*” – “испражнения”, “экскременты”. Тогда правильное было бы произносить “экскремист”, а не “экстремист”.)

Книгу “Ругайтесь правильно” можно уверенно рекомендовать самой широкой читательской аудитории, от учащихся 5-6 классов общеобразовательных школ и гимназий до работников промышленности и сельского хозяйства, руководителей силовых структур и членов Федерального собрания. При чтении следует неукоснительно соблюдать оговоренные автором в предисловии правила пользования словарем, особенно **Главное правило**: “Запрещается относиться чересчур серьезно ко всему, сказанному выше, а также ниже”.

Позавчерашние пирожки

Брюс Поллинг. Энциклопедия скандалов. От Байрона до наших дней. Пер. с англ. – М.: Вече, Персей, 1997.

Издательская аннотация к “Энциклопедии скандалов” Брюса Поллинга начинается фразой: *“Такую книгу давно ждали российские читатели”*. Подобное утверждение сразу воспринимается как явный перебор. И это ощущение усиливается в процессе чтения.

Поначалу все идет хорошо – почти как у неунывающего персонажа старого анекдота, который долго падал с крыши Эмпайр Стейт Билдинг. Во введении Поллинг дает следующее определение скандала: *“... поступок или поведение, которое вызывает в обществе потрясение и, будучи обнаруженным, может серьезно повредить репутации человека”*.

Продолжая общие рассуждения, автор выделяет две основные причины неизменного интереса к скандалам: глубина разоблаченного притворства и захватывающая развлекательность. Цитирует Говарда Куртца из “Вашингтон пост”, сочинившего инструкцию к правилам игры вашингтонских журналистов “в скандалы”: *“Обозначь скандал – получишь три абзаца. Приправь скандал сексом или громким именем – получишь пять абзацев. Раскопай дело о крупной растрате – получишь доступ на первую полосу. Разнюхай скандал, ко-*

торый питает политические распри, – воспарить прямоком на журналистские небеса”. Что называется, умри – лучше не скажешь.

Объясняя принцип отбора материала для своей “Энциклопедии”, Поллинг пишет: *“...мой выбор обусловлен скорее развлекательными, нежели обучающими мотивами, но все же я надеюсь, что любой, осиливший книгу до самого конца, будет лучше понимать человеческую природу”.*

Отметив по ходу дела, что для понимания человеческой природы все-таки полезнее читать Достоевского, а также Фрейда и Адлера, на худой конец – популярные книжечки по психологии, посмотрим, как в данном случае обстоит дело с развлекательностью.

С учетом специфики произведения понятно, что автор работал в основном ножницами (как справедливо отмечается в аннотации, *“все скандалы показаны автором через призму реальных документов”*). Структура книги незатейлива: небольшие фрагменты, в основном, из газетных статей (иногда – книг, писем, дневников и т. п.), каждый из которых сопровождается кратким комментарием составителя. Таким образом, вопрос отбора материала был, по сути, первостепенным.

По замыслу, в предлагаемом обширном меню (всего в “Энциклопедии” описано 127 скандальных историй) каждый найдет то, что ему по вкусу. Отведаем...

Эпизод первый. Фигуранты – лорд Байрон и леди Кароли-

на Лэм, жена будущего премьер-министра. Приводится отрывок из письма великого поэта и не менее великого сердца от отвергнутой женщине... Интересно, поскольку все-таки – Байрон...

Эпизод второй. 1816 год. Ссора между лордом Букингемом и сэром Томасом Харди. Лорда обвинили в авторстве анонимных оскорбительных писем к супруге сэра. Толком так ничего и не выяснилось... Возможно, было интересно некоторым эсквайрам первой четверти XIX века.

Эпизод ...надцатый. 1902 год. Полковник Майнерцхаген, один из известнейших охотников на крупного зверя в Восточной Африке, отличавшийся любовью к низшим приматам, путешествуя из Рангуна в Момбасу, пресек жестокое обращение команды корабля с обезьянкой... Ну и что?!

Видимо, кое-кто уже догадался, к чему я клоню. Чтобы скандал воспринимался как скандал, должно соблюдаться некое “единство времени и места” для объекта и субъекта – участников события и зрителей. “Чужой” или значительно удаленный по времени скандал перестает быть скандалом как таковым, превращается в более или менее заметный, а чаще – совершенно незначительный исторический эпизод. Поскольку теряет свою сущность —захватывающую развлекательность.

Брюс Поллинг делал свою книгу в расчете на англоязычного читателя, поэтому ориентировался, естественно, почти исключительно на англо-американскую периодику. Из всей

богатейшей (в том числе и на скандалы) российской истории выбран единственный эпизод: телесные наказания русских крепостных девушек – по воспоминаниям Александра Герцена. Плюс больше французский, чем российский, скандал, связанный с провалом “Весны священной” Стравинского в Париже. Плюс еще два английских, некоторым образом затрагивающих СССР: разоблачение группы Кима Филби и дело Профьюмо, в котором в эпизодической роли участвовал некий капитан Иванов.

Описанный в “Энциклопедии” скандал 1992 года вокруг Билла Клинтона (связанный еще с Дженнифер Флауэрз), с точки зрения российского обывателя, может считаться полноценным скандалом. Не только потому, что фигурант – президент США, но и поскольку он – почти наш, “друг Билл”. А вот если бы сексуальная история, подобная клинтоновской, случилась, допустим, с мало кому в России известным королем Испании или премьером Госсовета КНР – это уж извините. У вас своя свадьба, у нас – своя. Нам и собственных скандалов хватает, можем даже поделиться.

Надо полагать, и на том берегу точно так же рассуждают. Допустим, скандал вокруг Чубайса им, в их американии, кое-кому и интересен, поскольку А. Б. там некоторые, не самые последние люди неплохо знают. А, скажем, Валентин Ковалев с его то ли реальными, то ли виртуальными банными похождениями – ну ни капельки никому, кроме собственных сограждан, не любопытен. Да и своим-то – лишь пока

министром юстиции был.

Опять же, история, связанная с Салманом Рушди, стала для нас настоящим скандалом лишь после того, как “Сатанинские стихи”, намечавшиеся к изданию в “Лимбус-пресс”, благоразумные питерцы передумали печатать.

Вообще, хороший, настоящий скандал можно уподобить горячему – что называется, с пылу с жару – пирожку. Но то, что казалось соблазнительно аппетитным вчера, не вызывает гурманского энтузиазма сегодня. Хотя можно, конечно, и разогреть. Ну, а уж если вам подсовывают даже не вчерашние, а явно позавчерашние пирожки, для которых процесс черствения зашел слишком далеко, – совсем тоскливо. Поскольку данный шедевр кулинарного искусства изначально не предназначен для внутреннего употребления в виде оригинального сухаря с начинкой, после предварительного размачивания в горячем чае. Такие вот кулинарно-гастрономические аналогии.

Может быть, самое занятное в книге – неожиданно возникающие параллели с днем сегодняшним. Читаешь про скандал начала XX века, связанный с с нападками Теодора Рузвельта на американскую прессу и видишь, что его слова до смешного похожи на то, что произнес буквально на прошлой неделе президент Ельцин по поводу освещения “рельсовой войны” российскими СМИ.

И еще к вопросу о “захватывающей развлекательности”. Несмотря на громкие имена, мелькающие на страницах, и

в меру пикантные подробности отдельных эпизодов, “Энциклопедия” в значительной своей части откровенно скучна. Причиной тому не только полная окаменелость “пирожка”, но и его изначально невысокие вкусовые качества. Кое-кого из авторов текстов – репортеров скандальной хроники – следовало бы просто уволить за профнепригодность. До нынешних российских мастеров жанра им – как Дженнифер Флауэрз до Клинтона.

Ну, а в том, что данный джентльменский набор пирожков будет бойко раскупаться, – сомнений нет. Завлекательное название, красивый целлофанированный переплет...

Купившим – приятного аппетита!

Юмора честное зеркало

Дмитриев А. Социология политического юмора. – М.: РОССПЭН, 1998.

Политический юмор в нашей стране всегда был предметом пристального внимания очень серьезных людей. И даже – более чем серьезных организаций. Правда, отношение этих товарищей и представляемых ими учреждений к объекту изучения было весьма специфическим: результаты их исследований находили отражение не в научных публикациях, а в документах с соответствующим грифом. После чего следовали вполне определенные конкретные действия, в результате которых многим остроумным людям становилось совсем не до смеха.

В те, не столь уж далекие времена представители общественных наук, считавшиеся, в отличие от писателей, рядовых инженеров человеческих душ, главными инженерами этих самых душ, сеяли и молотили исключительно разумное, доброе и вечное, вернее, то, что считалось таковым.

Пришли другие времена, взошли иные семена. Грандиозные изменения коснулись всех сторон жизни. В частности, анекдоты, которыми раньше можно было поделиться вполголоса с самыми надежными друзьями, с непременно добавлением: “Одна сволочь в трамвае рассказывала”, теперь

издаются в таком количестве, что почти перестали покупать-ся. А бывшие обществоведы, именуемые ныне политологами и социологами, уже ничего не сеют, а лишь добросовестно исследуют ростки нового, а также еще не забытого старого.

Однако шутки в сторону. Это, как вы поняли, несколько затянувшаяся присказка. А сказка, точнее, истинная правда состоит в том, что в серьезном научном издательстве РОС-СПЭН (“Российская политическая энциклопедия”) вышла книга члена-корреспондента РАН Анатолия Дмитриева “Социология политического юмора”. Это по-настоящему фундаментальное исследование, причем круг затрагиваемых вопросов гораздо шире, чем определяется заглавием. Точнее было бы назвать работу как-нибудь вроде “Политический юмор: история, методология, социология”.

В поисках корней политического юмора автор погружается в глубь тысячелетий и обнаруживает их в V веке до н. э., у Аристофана и других древнегреческих комедиографов. Потом был Древний Рим с сатирами Ювенала, жутко мрачное средневековье и не слишком веселое Возрождение, периоды новой и новейшей истории. Каждая эпоха силами своих знаменитых и безымянных представителей, философов и писателей, шутов и юродивых вносила достойный вклад в мировую сокровищницу политического юмора.

В книге подробно, с многочисленными примерами анализируются формы политического юмора, от частушек и анекдотов до эпиграмм и карикатур. Рассматриваются, опять же

на примерах, используемые обычно приемы, а также объекты и субъекты юмора.

Особое внимание уделено социальным функциям юмора. Самое замечательное – то, что строго научный подход прекрасно сочетается с живостью изложения. Монография содержит массу анекдотов, шуток, карикатур и т. п.; дополнительно автор подкрепляет свои рассуждения материалами, представленными в небольшом, но тщательно подобранном приложении.

Прочитавшему книгу становится очевидным, что политический юмор является относительно безопасным высвобождением агрессивности по отношению к власти. Более того, эффект, производимый политическими шутками, анекдотами, карикатурами и т. п., полезен, в первую очередь, самим политикам. Поскольку, по мнению автора: “1) расширяет их умственный кругозор; 2) повышает их общую культуру; 3) привлекает к ним ослабевшее внимание; 4) препятствует диктаторским замашкам; 5) ослабляет многие межличностные конфликты; 6) освобождает их от штампов, от монотонности и однообразия в действиях”.

Таким образом, господа политики, не следует вам обижаться на ехидные шуточки, отпускаемые по вашему адресу. Напротив, надо воспринимать их с благодарностью и, по возможности, с пониманием. И вообще, дорогие сограждане, давайте следовать замечательному совету Юлиана Тувима: “Живи так, чтобы твоим знакомым было скучно, когда

ты умрешь”. Ведь юмор, в конце концов, не более чем зеркало, в которое мы иногда смотримся. А на зеркало пенять – сами знаете...

Корона с бубенчиками, или Карп Фердыев как зеркало российской действительности

Валерий Рокотов. Идиотский роман. – М.: Подкова, 1998.

В издательской аннотации к этой книге ее главный герой определяется как “шут, одинокий рыцарь, поставивший перед собой Великую Цель – разогнать тоску, которая веками владеет миром”. Как известно, все Великие Цели недостижимы в принципе. Поэтому люди, упрямо идущие к ним, обычно вызывают сочувствие и даже симпатию.

Он и в самом деле довольно симпатичен, этот Карп Поликарпович Фердыев, странноватый гибрид храброго солдата Швейка и Карлсона, который живет на крыше (возможно, у кого-то возникнут другие ассоциации). Именуя себя “маэстро”, достойный гражданин нашей удивительной страны, погруженный вместе с ней в наше удивительное время.

Что касается названия романа, то автор явно кокетничает – не такой уж он идиотский. Во всяком случае, не более чем многие вполне серьезные сочинения на вечно актуальную для нас тему о перманентно грозящей катастрофе и методах борьбы с ней. О кокетстве сочинителя недвусмысленно свидетельствует эпиграф из Джонатана Свифта: “Моя зада-

ча не развлекать, а вызывать яростное негодование”. Ориентир, таким образом, выбран неплохой. Беда лишь в том, что современному отечественному сатирику в части генерирования в читательских мозгах яростного негодования (тоже своего рода Великая Цель) трудновато конкурировать не то что с создателем бессмертного “Гулливера”, но даже с рядовым депутатом Госдумы, голосующим за повышение собственного благосостояния.

Сюжет этой остроумной и злой книги бесхитростен, как детская считалка. Молодой человек, студент журфака, от лица которого ведется повествование, случайно знакомится с неким доморощенным философом, абсолютно маргинальной личностью, яростным борцом с любыми материальными устремлениями. Этот современный Сократ, исписывающий стены своего жилища собственными плодами раздумья и афоризмами житейской мудрости, вызывает у юноши, порой подозрительно смахивающего на alter ego автора, явный интерес. Беседы с ним и участие в его не всегда безобидных забавах составляют основное содержание романа.

Конечно, Карп Фердыев не тянет на Козьму Пруткова и уж, тем более, на Артура Шопенгауэра – сентенции его, как правило, довольно банальны, типа: “Несчастливые злы, счастливые равнодушны”. Впрочем, нет-нет, да и мелькнет среди фердыевских трюизмов кое-что поинтересней, вроде: “Честность – это богатство, обладатель которого платит самые большие налоги” или: “Плохие новости лучше узнавать поз-

же. Со временем они становятся не такими уж скверными. А с хорошими надо спешить, иначе они могут прокиснуть”. (Хотя нечто подобное, кажется, уже встречалось.)

Маэстро в большей степени человек действия, чем кабинетный философ, и его шуточки далеко не всегда хорошо заканчиваются. Одна из них была весьма высоко оценена: пять лет за антисоветскую агитацию.

Автор проводит своего героя через тюрьму и психушку, монастырь и рекламное агентство, ярко живописуя и театр абсурда нашего не столь отдаленного прошлого, и театр абсурда сегодняшнего дня, при этом радуя читателя множеством остроумных находок. Чем, например, плох диспут в дурдоме на тему: “Может ли еврей дружить с русским, не презирая его в глубине души? И наоборот?” Или случайно найденный дневник Николая Бухарина с записями вроде истории о том, как будущий Отец народов, на спор продававший на сходненском рынке помидоры, получил черепно-мозговую травму в ходе милицейской облавы на “лиц кавказской национальности”, в результате чего и были впоследствии приняты многие исторические решения. Или просто название секретного города физиков-атомщиков – Пи... ц-26.

Читатель, имеющий некоторое представление о коридорах “четвертой власти”, наверняка оценит страницы, посвященные “второй древнейшей профессии”. Похоже, автор не понаслышке знает предмет, от журфака МГУ до редакции

“Известий”, и отдаёт должное в равной степени и тому, что было вчера, и тому, чем в полной мере наслаждаемся сегодня. Вполне вероятно, кое-кто даже узнает себя, не испытав при этом особого удовольствия.

“Какое время на дворе, таков мессия...” Шут, как и мессия, адекватен своему времени. Более того: шут – зеркало своего времени. Благополучное время ни в мессиях, ни в шутах вообще не нуждается. В нашем с вами отечестве и те, и другие всегда востребованы. Во все времена и те, и другие плохо кончают. Карп Фердыев – не исключение.

Завершается эта вроде бы веселая книга отнюдь не весело – под лязг танковых гусениц и в сполохах огня работающих установок “Град”. Демократическая власть намеревается сровнять с землей последний оплот социализма, символический Скотогонск, среди защитников которого, по собственной доброй воле, оказывается идейный борец с мировой скукой Карп Фердыев. Оказывается не потому, что ему так уж уютно в этом социалистическом заповеднике – тамошним властям он, как и любым другим, поперек горла. По законам театра абсурда он намерен погибнуть в обреченном городе, где для него все родное: милиция, вытрезвитель, КГБ, даже судья, который когда-то вынес ему приговор. В городе, где он был провозглашен Королем дураков и коронован короной с бубенцами. Даже шут не может позволить себе быть свободным от общества – раньше или позже приходит время выбирать. Фердыев осознанно выбрал из двух

зол наверняка не меньше, но более родное.

Аве, маэстро! Чего же другого можно было ожидать – сатира по сути своей грустна. Российская – тем более. “Идиотский роман” Валерия Рокотова еще раз это подтверждает.

Ложечка дегтя напоследок. Дочитав книгу, вспоминаешь, что начиналась она веселеньким предувещанием: *“На самом деле это не мой роман. Просто однажды я ехал в поезде с интересным попутчиком, который весь вечер читал мне свое сочинение. Книга меня ошеломила. В общем, я не удержался : ночью удавил его и украл рукопись. В. Р.”* Вот с этим, пожалуй, В. Р. несколько погорячился.

Вместо заключения

Положитесь на П. Г. Вудхауса!

Юмор как анестезирующее средство

Не знаю, помогает ли еще нам песня строить и жить, но то, что юмор сегодня помогает выжить – уж это точно!

Ну-ка, любезные сограждане, напрягите свои натруженные мозги и попытайтесь вспомнить: давно ли вы по-настоящему смеялись? Смеялись беззлобно, по-детски беспечно и вдобавок – до слез (не путать с распространенным сегодня вариантом: смехом сквозь слезы!). А хотите проверить, в состоянии ли вы еще смеяться подобным образом? Есть подходящий тест.

Да, забыл предупредить: если у вас напрочь отсутствует шестое чувство, то самое, которое по мнению ряда видных философов и психологов, отличает человека от любого высокоорганизованного животного (речь, естественно, идет о чувстве юмора), вам не следует тратить время на эти несерьезные заметки. Остановитесь прямо сейчас, плюньте и выбросьте из головы все, о чем успели прочесть. В порядке компенсации потерь вашего драгоценного времени дарю вам ценную мысль: отсутствие у индивидуума вышеупомянутого

чувства никак не отражается на его пищеварении. И другую, еще более ценную: отсутствие чувства юмора значительно увеличивает шансы смеяться последним, что, согласитесь, для серьезного человека – обстоятельство первостепенной важности.

Так что еще надо разобраться: следует ли считать этот якобы недостаток действительно недостатком или совсем наоборот. В общем, уважаемые поклонники крутых детективов, дамских романов и читатели сводок биржевых новостей, прошу вас больше не напрягаться. Надеюсь, вы не испытываете ощущения какой-то ущербности, и, более того, осознание своего неоспоримого преимущества в отношении возможности смеяться последним пришлось вам в кайф. Удачи вам и успехов! Для тех же, у кого с шестым чувством все О. К., продолжим.

Задумывались ли вы когда-либо о национальных особенностях в области юмора? Ведь вопрос-то – интереснейший, связанный непосредственно с тем, что называют национальным менталитетом. В национальном юморе этот самый менталитет народа отражается, может быть, более четко, нежели в чем бы то ни было. В самом деле, невозможно спутать, скажем, грубоватый чешский юмор с неизменно изящным польским, простодушный белорусский – с лукавым украинским, соленый русский – с пряным среднеазиатским или с извечно горьким еврейским. Уточним: речь идет о наиболее характерном для данной нации виде юмора. Исключения, разуме-

ется, возможны, но, как всегда, лишь подтверждают общее правило.

А кроме того, юмор, как все живое, может со временем значительно, до неузнаваемости, трансформироваться в соответствии с изменениями в национальном менталитете, если таковые происходят. Допустим, средневековый французский юмор, максимально приближенный к природе (фаблио, Рабле), имеет, мягко говоря, мало общего с современным.

Или – вот еще прелюбопытный вопрос: почему, например, Германия, страна высочайшей европейской культуры, с давними сатирическими традициями (средневековые шванки), в последующие времена не явила миру ничего мало-мальски значительного в этой области, если не считать сатирической линии в творчестве Гейне? Или, допустим, Япония? Китай?.. О нашем родном российском юморе, о смеховой культуре России можно говорить вообще бесконечно, отдельно – о фольклоре, отдельно – о литературных традициях, от Кантемира до Жванецкого.

Вопрос об особенностях национального юмора издавна привлекал к себе внимание философов и писателей, культурологов и литературоведов, этнопсихологов и даже психоаналитиков. Уже простое перечисление имен о многом говорит: Гоголь, Белинский, Достоевский, Чернышевский, Марк Твен, Дж. Мередит... Истоки русской смеховой культуры подробно исследованы Д. Лихачевым и А. Панченко в работе “Смеховой мир Древней Руси”. (Вообще вопросы смеховой

культуры чрезвычайно глубоки и весьма серьезны – почитайте хотя бы “Смех” А. Бергсона или классическое исследование М. Бахтина “Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса”.)

Однако довольно теоретизирования, перейдем, наконец, к тому, ради чего, собственно, и написаны эти непритязательные заметки.

Любите ли вы настоящий английский юмор, как люблю его я? Ну, хотя бы – наполовину?.. Приходилось ли вам испытывать ни с чем не сравнимое наслаждение при неспешном смаковании диккенсовских “Записок Пиквикского клуба” или над страницами Джерома К. Джерома?.. Эх, английский юмор, старый добрый английский юмор, кто тебя выдумал? Знать, у мудрого и благополучного народа ты мог только родиться, в той земле, что любит шутить... И какой, мягко говоря, чудак сочинил миф о чопорности англичан? Не иначе – они сами, в порядке конструктивной самокритики. Вовсе не чопорность это, а нормальное человеческое чувство собственного достоинства, к сожалению, плохо знакомое нашему несчастному народу.

Вообще, о чувстве юмора, хоть отдельного человека, хоть всей нации можно безошибочно судить по способности смеяться над самим собой. Англичане владеют этим в совершенстве. Неоспоримое свидетельство тому, в частности, – произведения знаменитого во всем мире и практически неизвестного у нас писателя П. Г. Вудхауса.

(Уф, наконец-то добрался!)

Сведения о Вудхаусе в Литературном энциклопедическом словаре, 1987 г. издания, как водится, блистательно отсутствуют. Кое-какую информацию можно почерпнуть в “Англо-русском словаре персоналий”. Пелем Гренвилл Вудхаус родился в 1881 г. в Англии, где прожил первые 28 лет своей долгой, 94-летней жизни. С 1909 г. жил в США. За свои труды удостоен звания пэра и чести быть представленным в Музее восковых фигур мадам Тюссо.

Автор почти сотни книг, Вудхаус, по авторитетному мнению лондонской “Таймс”, еще при жизни был признан классиком и комическим гением. Что же касается нашего знакомства с творчеством писателя, то оно ограничивается снятым по его произведениям и показанным по некоторым отечественным телеканалам сериалом “Дживс и Вустер”, а также двум изданным в России книгам. Первая небольшая книжечка “Кодекс Вустеров” выпущена редакцией международного журнала “Панорама” в 1998 г., вторая, “Положитесь на Псмита”, вышла в издательстве “Текст” в 1998-м.

Обращает на себя внимание одно интересное обстоятельство. Свои наиболее известные циклы произведений – о Псмите и о Дживсе – Вудхаус публикует, начиная, соответственно, с 1910 г. и с 1919 г., то есть формально являясь уже американским писателем (кстати, именно в качестве такового он фигурирует в вышеупомянутом словаре персоналий). В аннотации к одному из российских изданий П. Г. Вудхаус

именуется английским писателем, в аннотации к другому – англо-американским. Слегка напоминает легенду, согласно которой семь городов выясняли отношения на предмет того, кому принадлежит честь называть себя родиной Гомера.

Беру на себя смелость утверждать: так же, как Набоков, проживший три четверти жизни вдали от родины, является гораздо более русским писателем, чем американским, Вудхаус должен по справедливости считаться писателем английским, во всяком случае, что касается вустеровского и псмитовского циклов. Никаких сомнений здесь быть не может – автор не может быть никем иным, кроме как англичанином, англичанином, что называется, до мозга костей. Ничего удивительного – Англию он покинул уже взрослым человеком, впитав пресловутый национальный менталитет, как говорится, с молоком матери. Что подтверждается не столько тематикой, сколько самим духом его произведений. Чтобы это понять, не обязательно изучать творчество Вудхауса в полном объеме – льва, как известно, узнают по когтям.

Не будучи знаком с работами в области вудхаусоведения, могу, тем не менее, с достаточной степенью уверенности предположить, что писатель признан достойнейшим наследником диккенсовско-джеромовских традиций в мировой юмористике.

Опять-таки, не имея возможности судить о творчестве Вудхауса в целом, хочу, по крайней мере, поделиться собственными впечатлениями о романе “Положитесь на Псми-

та”.

Пересказывать Вудхауса бессмысленно. (Как, впрочем, и любое произведение такого уровня в жанре юмора.) Это фейерверк остроумия, бездна того самого неподражаемого английского юмора, о котором уже было сказано. Вдобавок – виртуозно закрученный, по-американски динамичный детективный сюжет (все-таки и Америка кое-что внесла!), в построении которого Вудхаус дает сто очков вперед многим признанным мастерам собственно детективного жанра. Совершенно невероятные стечения обстоятельств, абсолютно непредсказуемые повороты сюжета, обаятельнейшие персонажи. опять же чисто по-английски симпатичные злодеи...

Конечно же, это не детектив, это блистательная пародия на него. Может быть, вы полагаете, что пародия, по определению, нечто вторичное, не заслуживающее настоящего внимания? Вспомните: ведь Сервантес тоже создавал своего бессмертного Дон Кихота как пародию на рыцарские романы... Само собой, не следует искать здесь какие-то аналогии и проводить параллели в заведомо неевклидовом пространстве всемирной литературы – дело это абсолютно бесперспективное и никому не нужное. Вудхаус есть Вудхаус, и этим все сказано.

Все вышеизложенное позволяет с уверенностью рекомендовать книгу “Положитесь на Псмита” как превосходное, быстродействующее анестезирующее средство. Противопоказаний и побочных явлений нет. Один недостаток: в усло-

виях нашей сегодняшней действительности – эффективно только во время употребления.

И еще один совет напоследок. Читайте эту замечательную книгу по 10 страниц непосредственно перед сном, и вы в течение целого месяца будете засыпать в прекрасном настроении. Приятных вам сновидений!